

СЛЕПОЙ

A tank is positioned in the center of the frame, facing left. The tank is dark green with a red star on its turret. The background is a large, intense fire with orange and yellow flames. The sky is dark, and there are some dark, jagged shapes on the right side, possibly representing destroyed structures or debris. The overall scene is a dramatic and intense depiction of a tank battle.

Андрей Воронин

**ТАНКОВАЯ
АТАКА**

Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Танковая атака

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.3-312.9
ББК 84(2Рус=Бел)-44

Воронин А. Н.

Слепой. Танковая атака / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2014 — (Слепой)

ISBN 978-5-17-083301-6

В российский районный центр поздней ночью невесть откуда прикатывает Т-VI, знаменитый в годы Второй мировой войны немецкий танк «тигр». Снеся двумя меткими выстрелами здание местной мэрии и стоявший рядом памятник – не менее знаменитую советскую «тридцатьчетвертку» на бетонном пьедестале, «тигр» бесследно исчезает – и становится важным элементом в решении проблемы, которой вынужден заниматься секретный агент ФСБ.

УДК 821.161.3-312.9
ББК 84(2Рус=Бел)-44

ISBN 978-5-17-083301-6

© Воронин А. Н., 2014
© ХАРВЕСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Воронин

Слепой. Танковая атака

© Андрей Воронин, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1

У одного, в общем и целом неплохого, неглупого, добродушного и хлебосольного человека, занимающего весьма ответственный пост, имелся племянник. Племяннику было четырнадцать, и у него, в свою очередь, имелся персональный компьютер – дело в начале второго десятилетия двадцать первого века едва ли не более обыкновенное и широко распространенное, чем племянник как таковой. И, как это чаще всего случается в нашем несовершенном мире, такое великое, вплотную граничащее с самой настоящей магией достижение человеческого гения, как компьютер, использовалось из рук вон плохо – откровенно говоря, для полнейшей ерунды наподобие компьютерных игр с пальбой и брызгами крови на стенах, за которыми племянник уважаемого дядюшки был готов проводить все двадцать четыре часа в сутки.

Одна из этих бессмысленно жестоких игрушек называлась «Half-Life». Не блещущий глубокими познаниями в английском дядюшка приблизительно, наобум перевел это название как «Полу-Жизнь». В точности перевода он, конечно, сомневался, а внести полную ясность путем обращения к специалистам так и не собрался по причине большой занятости и заведомой вздорности вопроса. Впрочем, многое указывало на то, что сделанный им перевод был довольно точным. Так, на заставке этой самой «Half-Life», которую племянник для краткости именовал «Халфой», красовался портрет некоего худощавого, мрачноватого гражданина с торчащим на месте левого глаза барашком от обыкновенного водопроводного вентиля. Вентиль в глазу придавал гражданину донельзя неприятный вид, и неспроста: постояв позади увлеченно рубящегося в эту свою «Халфу» племянника несколько минут, дядюшка убедился, что ничего приятного, жизнеутверждающего в данной игре нет. Неприятный гражданин бесконечно слонялся по крайне неприятным местам, встречая и размазывая кровавыми кляксами по грязным бетонным стенам всевозможную нечисть. Так и слонялся – с водопроводным вентиляем в глазу. А когда перебил всех и одержал окончательную победу, его, вместо того чтобы подобающим образом наградить, просто усыпили, выключили, как машину, на неопределенный промежуток времени – выключили, надо понимать, посредством того самого вентиля: закрутили, вращая до упора по часовой стрелке, и вся недолга.

Впрочем, прямого отношения к делу данное лирическое отступление, скорее всего, не имеет.

Заснеженный лес безмолвно дремал в ожидании заблудившейся где-то весны. Поникиши под тяжестью толстых снеговых перин еловые лапы устало и покорно клонились к земле. По контрасту с белизной снега темно-зеленая хвоя казалась почти черной, а извилистые, переплетающиеся друг с другом цепочки птичьих и заячьих следов были, как разведенной в воде акварелью, доверху залиты прозрачной, с сиреневым оттенком, голубизной. Денек выдался солнечный, ясный, с легким морозцем, и сеющаяся с потревоженных случайным прикосновением или легким порывом верхового ветра ветвей кристаллическая снежная пыль вспыхивала в лучах солнца мириадами бриллиантовых искр.

Зима в этом году случилась затяжная, и середина марта больше напоминала разгар февраля – с неожиданными крепкими морозами, столь же внезапными оттепелями и налетающими неведомо откуда (и, главное, зачем) густыми метелями. С позавчерашнего дня синоптики начали пугать москвичей приближением свирепого снежного шторма, грозящего столице очередным транспортным коллапсом; слушая эти прогнозы, уставший от зимы обыватель мученически возводил очи горе, безмолвно, а порою и вслух, вопрошая: «Доколе?!» Эксперты, впрочем, утверждали, что ничего апокалиптического в наблюдаемой погоде нет. Не так уж давно, всего-то лет десять назад, обледенелые сугробы по пояс были для середины марта вполне привычным явлением, напоминали они, и воспринимать возвращение к климатической норме как очередной знак грядущего конца света стоит едва ли.

В общем, как сказал поэт, у природы нет плохой погоды. Народная мудрость к этому спорному утверждению добавляет: есть плохая одежда. Хорошая одежда, в которой человек остается сухим на дне морском и ни капельки не мерзнет среди ледовых пиков Антарктиды, тоже существует, но позволить ее себе могут далеко не все. И если человек, с головы до ног упакованный в шитую из самых современных материалов, удобную, легкую, способную играть противостоять антарктическим холодам обмундировку, все-таки тянет из кармана плоскую серебряную фляжку и принимает пару глотков «для сугреву», это вовсе не означает, что он замерз. Означает это совсем иное, а именно, что данному индивидууму просто нравится хороший коньяк, равно как и процедура принятия его вовнутрь: при ясном солнышке и легком морозце, по колено в схваченном ледяной коркой наста рыхлом мартовском снегу, на свежем воздухе, в заснеженном заповедном лесу и так далее. И еще это означает, что упомянутому индивидууму глубоко начхать как на древние, незыблемые и священные правила охоты, так и на ее конечный результат.

Своевременно напомнив себе об этом, Леонид Иванович Зарецкий деловито поддернул уже наполовину стянутую с правой ладони перчатку и снял со сгиба локтя переломленное во избежание случайного выстрела ружье. Из каналов стволов, как близко посаженные совиные глаза, глянули латунные доньшки гильз с блестящими на солнце медными зрачками капсюлей. Несмотря на постоянную занятость, которую гарантировал высокий пост в министерстве тяжелого машиностроения, Леонид Иванович относился к своему увлечению охотой с полной серьезностью. Перед очередным выездом в поле он часами возился с аптечными весами, щипчиками, капсюлями, стальными трубочками-вырубками и прочей архаичной дребеденью, собственноручно снаряжая патроны: отсыпал, взвешивал, аккуратно, без спешки утрамбовывал, вырубал из войлока и плотного картона пыжи, а в самом конце любовно укладывал выстроенные рядком на столе патроны в уютные кожаные гнездышки патронташа. Где-то в кладовке у него до сих пор хранились формы для отливки пули и картечи, но с этим делом оказалось слишком много возни. Однажды Леонид Иванович едва не сорвал важные деловые переговоры, накануне нечаянно пролив себе на ногу с чайную ложку расплавленного свинца, после чего решил: все, хорошего помаленьку, где-то надобно и черту провести. После того случая он перестал самостоятельно отливать пули, а заодно и взбадривать себя глоточком-другим коньяка в процессе снаряжения патронов.

Да, к охоте, особенно на крупного зверя, Леонид Иванович Зарецкий относился с полной серьезностью. Здесь, как и в любом другом деле, он привык работать на конечный результат, и именно поэтому лежащая в правом кармане его теплой охотничьей куртки плоская, чуть изогнутая по форме бедра серебристая фляжка осталась нетронутой. Ее время придет немного позже. У зверя острый нюх; не вовремя сделанный глоток или выкуренная час назад сигарета могут сохранить ему жизнь, а тебя оставить с носом. Поэтому сейчас лучше потерпеть, чтобы потом с чувством глубокого удовлетворения сделать-таки этот долгожданный, а главное, заслуженный глоток и сфотографироваться, поставив ногу в облепленном снегом унте на окровавленную клыкастую голову, с ружьем в одной руке и победно воздетой к небу флягой в другой...

В отдалении – впрочем, не так уж и далеко, – послышались многоголосый собачий лай, людские голоса и раскатистые хлопки выстрелов. Леонид Иванович слегка подобрался, вглядываясь в черно-белую путаницу заснеженных ветвей. За спиной раздался знакомый размеренный шорох скользящих по насту подбитых мехом коротких и широких охотничьих лыж.

– Подняли, – негромко произнес прокуренный голос егеря. – Гонят прямо сюда.

– Слышу, – не оборачиваясь, так же негромко откликнулся Зарецкий.

– А выстрел-то, похоже, опять за вами, – с легким оттенком подобострастной зависти сказал егерь. – Ни пуха вам, ни пера!

– К черту, – следуя древней традиции, ответил Леонид Иванович и с характерным кланьем поставил на место блеснувшие тусклым синеватым отливом вороненые стволы.

За спиной снова, теперь уже удаляясь, зашуршали по старинке подбитые мехом лыжи. Охотником Леонид Иванович был опытным, бывалым и дисциплинированным, ввиду чего давно перестал нуждаться в няньках. Зная это, егерь поспешил на другие, занятые новичками номера, где хотя бы теоретически могла возникнуть необходимость в его присутствии и помощи.

Выстрелы, захлебывающийся лай своры и издающие бессмысленные выкрики голоса приближались. Загонщики стреляли в воздух и вместе с собаками драли глотки, направляя зверя на номера. «Из-под елей хлопочут двустволки, там охотники прячутся в тень...» – вспомнилось Леониду Ивановичу. Хрипловатый голос барда, годовщину смерти которого совсем недавно широко отметила страна, как живой, зазвучал в ушах, и Зарецкий усилием воли заставил его замолчать: сейчас было не до песен, да и охотился он нынче вовсе не на волков.

Зарецкий зубами стянул с правой руки теплую перчатку и, прижав к плечу изукрашенный богатой резьбой приклад, обвил указательным пальцем скользкий стылый металл спускового крючка. Солнце светило в спину, кладя на нетронутый снег четкую синеватую тень ели, у подножия которой затаился одетый в белый маскировочный костюм стрелок; легкий ветерок, наоборот, дул почти прямо в лицо – опытный егерь не подкачал, позиция была выбрана просто идеально.

Впереди, немного правее того места, откуда Леонид Иванович ждал появления зверя, темно-зеленой живой пружиной взметнулась, фонтаном разбросав комья придавившего ее снега, потревоженная еловая лапа. Снег еще сыпался с ветвей, напоминая сотканный из нанизанных на нитки клочков ваты театральный задник, когда на открытое место, грубо прорвав эту призрачную, почти бесплотную завесу, вырвался кабан – матерый, повидавший разные виды секач, долго водивший за нос менее удачливых охотников, и вот, наконец-то, выбежавший из чащи прямо навстречу уготованной ему судьбе. Зарецкий плавно сместил стволы ружья, беря на мушку косматое, облепленное снегом клыкастое рыло с маленькими, полными бессмысленной звериной злобы глазами. Из раздувающихся ноздрей струями бил горячий пар, толстый наст с хрустом проваливался под тяжестью громадной, движущейся стремительными рывками туши, разбрасываемый острыми раздвоенными копытами снег широким веером разлетался в разные стороны. Леониду Ивановичу пришло в голову, что кабан здорово смахивает на атакующий танк, и он поспешно отогнал это сравнение, которое казалось неуместным, а главное, таким же, если не более неприятным, чем пресловутый водопроводный вентиль, торчащий оттуда, где у нормальных людей располагается левый глаз.

Да и при чем тут, в самом деле, танк? Если уж проводить такие параллели, обреченный секач больше напоминал мощный локомотив, на полном ходу пробивающийся сквозь снежные заносы.

Зарецкий сердито дернул щекой. Локомотив тоже был не в жилу, ибо относился к числу тем и предметов, которых Леонид Иванович с некоторых пор старался касаться как можно реже.

Посторонние мысли разом вылетели из головы, когда кабан приблизился на расстояние верного выстрела. Он бежал почти прямо на Леонида Ивановича, по-прежнему не замечая его, и в каждом его движении, в наклоне головы, даже в выталкиваемых влажными ноздрями струях пара чувствовалась выпущенная на волю громадная, всепокрушающая, разрушительная мощь. Зарецкий почувствовал привычный в таких случаях выброс адреналина, ради которого, собственно, в наше цивилизованное время недурно обеспеченные, далеко не голодные, многое могущие себе позволить люди и предаются варварской забаве, когда-то являвшейся одним из немногих способов добыть пропитание для семьи.

Леонид Иванович прицелился кабану в лоб, точно между глаз. Лобная кость у матерого секача прочна, как броня, но Зарецкий был уверен в себе – точнее, в своем ружье, изначально предназначенном для охоты на слонов и свирепых африканских буйволов, по сравнению с

которыми наш среднерусский кабан выглядит безобидным, как плюшевый зайка. Это ружье ему презентовали много лет назад в Африке, где на заре карьеры он возглавлял строительство крупного металлургического комбината. Теперь подаренный с барского плеча чернокожим африканским братьям комбинат почти наверняка лежал в руинах, а вот отнятое когда-то у британских колонизаторов уникальное ружье сохранилось и уже не раз приносило своему владельцу богатую добычу, служа предметом постоянной зависти других охотников.

Кабан приближался, волнами взметая снег, а вместе с ним приближался момент истины, точка наивысшего напряжения, пик единоборства человека и зверя. Конечно, крепкие мышцы, мгновенная реакция и помноженная на слепую звериную ярость мощь клыков и копыт – ничто против крупнокалиберной пули с придающим ей вращение вдоль продольной оси хвостовиком, разогнанной в канале без малого полутораметрового ствола. Спора нет, всерьез говорить о настоящем единоборстве в данном случае вряд ли стоило; все это было немножко неспортивно, но вот именно немножко – капельку, совсем чуть-чуть.

Кроме того, вероятность осечки, после которой соотношение сил резко переменится в пользу кабана, хоть и была мизерной, также не исключалась.

– Ну, извини, – одними губами сказал кабану Леонид Иванович и плавно нажал на спуск.

Он отчетливо расслышал сухой металлический щелчок ударившего по капсюлю бойка и мысленно чертыхнулся: ты гляди-ка, накаркал! За повторным движением указательного пальца последовал еще один щелчок – только щелчок, но, увы, не выстрел.

Вот тебе твой момент истины, подумал Зарецкий. Кушай, не обляпайся!

Глядя на стремительно приближающуюся гору свирепого мускулистого мяса, Леонид Иванович быстро, но без суеты сдвинул защелку и переломил ружье. Неожиданно, не к месту и не ко времени, вспомнился недавно просмотренный по телевизору сюжет, касавшийся обстоятельств гибели легендарного советского летчика Валерия Чкалова. Среди мрачных легенд и версий, окружающих это трагическое событие, пронырливые тележурналисты раскопали историю о коробке ружейных патронов, якобы присланной Чкалову в подарок незадолго до смерти. Заядлый охотник, Валерий Павлович не успел воспользоваться подарком – погиб во время испытательного полета на Тушинском аэродроме. Семья передала ставшие ненужными патроны какому-то родственнику, тоже баловавшемуся охотой. При первом же выстреле дробовик дал осечку, а когда стрелок переломил ружье, чтобы заменить негодный патрон, тот неожиданно бабахнул, и выброшенная из ничем не запертого канала ствола гильза просвистела в сантиметре от лица охотника.

Позднее выяснилось (а может, то было просто предположение), что все патроны снабжены замедлителями, дающими небольшую паузу между ударом по капсюлю и воспламенением порохового заряда. Вдова погибшего героя отправила оставшиеся боеприпасы лично Лаврентию Берии, приложив к ним письмо соответствующего содержания, но ответа, естественно, так и не дождалась.

Нащупывая на поясе патронташ, Леонид Иванович успел подивиться причудам своего сознания, которое в самый неподходящий момент подсунуло ему эту сомнительную байку. Да хоть бы и не байку, а чистую правду – он-то здесь при чем? Эти патроны ему никто не дарил, он снаряжал их собственными руками и, видимо, ухитрился проморгать парочку негодных, бракованных капсюлей. Или порох подмок... Но когда, как?!

Ответа на этот вопрос Леонид Иванович не получил – видимо, было не суждено. В полном соответствии с каноническим текстом только что вспомнившейся ему легенды патрон в правом стволе неожиданно выпалил сразу в обе стороны. Снабженная придающим продольное вращение хвостовиком свинцовая пуля, взметнув фонтан снега, ушла в сугроб, а латунная гильза – архаичная, довольно дорогая по сравнению с такими же изделиями из картона и пластмассы, но зато пригодная для многократного использования, – оставляя за собой тающий дымный след, ракетой просвистела у самого лица, едва не задев щеку.

Зарецкий инстинктивно отдернул голову, и в это мгновение прозвучал второй выстрел. Рефлекторное движение оказалось роковым: выброшенная мощной струей пороховых газов гильза, которая, не будь его, могла попасть куда угодно или вообще никуда, ударила akurat в яблочко.

Курящееся синеватым дымком ружье с непомерно длинными стволами и вырезанными на ложе красного дерева сценами охоты на слонов почти беззвучно упало в снег. Напуганный выстрелами кабан резко изменил направление и с раздраженным хрюканьем, хрустя валежником, скрылся в зарослях. С потревоженных ветвей еще некоторое время тихо сыпался снег, но Леонид Иванович Зарецкий этого уже не видел. Он лежал на спине, широко разбросав руки и изумленно глядя в безоблачное, уже начавшее по-весеннему голубеть небо широко открытым правым глазом. На месте левого зияла кровавая дыра, из которой, слабо дымясь, торчал пустой латунный цилиндр ружейной гильзы.

Если бы при этой сцене присутствовал четырнадцатилетний племянник Леонида Ивановича и если бы в кармане у него случайно завалился литой барашек от водопроводного вентиля (маловероятно, конечно, но чего только ни встретишь в карманах у подростков!), возвращенный на кровавых 3D-шутерах бессердечный сопляк, вполне возможно, попытался бы приспособить барашек к торчащей из дядюшкиной глазницы латунной трубке для придания покойнику окончательного сходства с героем любимой игры Гордоном Фрименом. Впрочем, никакой необходимости в таком надругательстве над трупом не было: Леонид Иванович, и при жизни не претендовавший на звание Мистер Вселенная, после своей нелепой кончины выглядел достаточно неприятно и без такого излишества, как торчащий на месте глаза водопроводный вентиль.

* * *

Над морщинистой, свинцово-серой, как всегда перед рассветом, водой длинными косматыми прядями стелился белесый туман. Солнце еще не поднялось, но было уже достаточно светло, чтобы разглядеть встающую впереди отвесную стену неприступных береговых утесов, отороченную поверху курчавой, при таком освещении почти черной, тропической зеленью, а снизу – слегка извилистой, издали кажущейся неподвижной, белопенной лентой прибоя. «Апач» шел низко, почти над самой водой, что делало его невидимым для радаров. Положа руку на сердце, сержант Камински плохо представлял себе, откуда в этой глуши могут взяться радары, зато точно знал, что осторожность лишней не бывает. Кроме того, пилоту было виднее, в противном случае за штурвалом вертолета сидел бы не он, а кто-нибудь другой – например, сержант ВМФ США Тэд Камински или эта черномазая макака Локсмит.

Его полное имя, записанное в военном билете, было Тадеус Уильям Камински; оставшаяся в Квинсе матушка звала его Тадеушем, но это было уже очень давно. С тех пор, как надел военную форму, он был просто Камински, а когда нацепил шевроны, звать его стали еще проще: сержант.

Приблизившись к береговой линии, которая только издали выглядела ровной, будто обрезанной гигантским ножом, а в действительности оказалась основательно изрезанной, вертолет круто набрал высоту, взмыл над лесом и, сейчас же камнем провалившись вниз, едва не задевая салазками макушки деревьев, пошел на юго-запад.

– Не спи, ниггер, – толкнув локтем соседа, круглолицего дурашливого губошлепа по фамилии Арчер, сказал Локсмит. – Лучше помолись за свою черную задницу, пока эти латинос не превратили ее в решето.

– Закрой свою пасть, ниггер, – ответил Арчер и, в свою очередь, ткнул Локсмита локтем в защищенные легким бронежилетом ребра.

Завязавшаяся было шутилка потасовка быстро угасла под тяжелым, многообещающим взглядом сержанта. Тэд Камински не знал сочиненной каким-то русским остряком шутилки, но

жил в полном с ней соответствии, более всего на свете ненавидя две вещи: расизм и негров, которые, по его наблюдениям, как раз и были самыми отъявленными, махровыми расистами на планете.

С металлическим клекотом и громовым шелестом рассекая лопастями влажный от испарений раскинувшихся внизу джунглей воздух, следуя изгибам постепенно повышающейся местности, вертолет двигался в направлении выступающей из предутреннего тумана горной гряды. Установленный в открытом дверном проеме по правому борту пулемет немного напоминал выставившего наружу нос любопытного пса. Сидящий рядом с ним рядовой первого класса Флинстоун вынул из кармана открытую пачку сигарет, понюхал, глубоко вдохнув терпкий аромат сухих табачных листьев, убрал пачку обратно в карман и, проведя веснушчатой ладонью по огненно-рыжей макушке, со вздохом сказал:

– Скорей бы.

– Не терпится получить свою порцию свинца? – немедленно встрял неугомонный Локсмит.

– Не терпится взглянуть, что это за «Крысиная нора», – невозмутимо ответил Флинстоун.

– Это интересно не тебе одному, – сказал ему Камински. – Именно поэтому мы здесь. А ты, – повернув голову, обратился он к Локсмиту, – заткни пасть и не каркай, пока я не вышвырнул тебя за борт.

– Позвольте, это сделаю я, сержант, – расплывшись в широкой белозубой ухмылке, с готовностью предложил чернокожий Арчер. – Тогда у него не будет оснований подать жалобу на притеснения по расовому признаку.

– Согласен, – с самым серьезным видом кивнул Камински. – Жди моего сигнала, солдат.

– Есть, сэр! – молодецвато гаркнул Арчер и дурашливо сложился пополам, получив от соплеменника очередной тычок локтем.

Привалившись лопатками к ощутимо вибрирующему под мягкой стеганой обивкой борту, сержант прикрыл глаза. Люди, даже те, что молчали, немного нервничали, и он их за это не осуждал. Первоначально расположенный в труднодоступном горном районе объект U-8135 носил название «Гнездо орла». Название это наверняка было придумано одним из тех романтиков в погонах, которых полным-полно в любом штабе, и которые, кажется, получают жалование именно за то, что сочиняют дурацкие, чем нелепее, тем лучше, кодовые названия для объектов и операций, а также всевозможные пароли и опознавательные фразы. Но уже после заброски в этот район первой разведывательной группы название изменилось: с того момента, когда стало окончательно ясно, что группа не вернется, «Гнездо орла» стали называть «Крысиной норой» и никак иначе.

Собственно, само существование в данном районе какого-то объекта до сих пор оставалось под сомнением. Косвенным свидетельством его присутствия стало бесследное исчезновение со сделанных шпионскими спутниками ЦРУ фотоснимков целого участка одного из многочисленных горных ущелий. Странное изменение рельефа заметили случайно, поскольку эта пустынная, практически не населенная местность никого не интересовала. Но потом кто-то, положив рядышком два снимка, изумленно воскликнул: «Что за чертовщина?!», – и после более детального изучения сделанных в разное время фотографий в штабе признали, что никакой ошибки и путаницы тут нет, а чертовщина, напротив, налицо. Буквально только что, всего сутки назад, на этом месте было ущелье, и вдруг оно исчезло – ну не чертовщина ли, в самом деле?

Разумеется, никакой мистики тут и не пахло. Даже сержанту Камински было понятно, что, имея желание, чисто технически проделать этот фокус с исчезновением сравнительно несложно. Чтобы на сделанных методом аэрофотосъемки картах глубокое ущелье сменилось мелкой, едва заметной сверху, заросшей густым тропическим лесом котловиной, достаточно всего лишь перекрыть его маскировочными сетями. Иное дело, что для этого должны суще-

ствовать серьезные причины; столь же, если не более серьезные причины должны иметься для того, чтобы с фантастической по здешним меркам скоростью напрямик через сельву тянуть к исчезнувшему ущелью железнодорожную ветку.

Не стоит и говорить о том, что эти таинственные причины вызвали глубокую заинтересованность у старого доброго дядюшки Сэма, которому есть дело до всего на свете. Старик просто не мог не заинтересоваться тем, что происходит почти у него под боком, в богатой полезными ископаемыми латиноамериканской стране, которая в один прекрасный день вдруг объявила себя независимой и национализировала недра, оттяпав у него изрядный кусок собственности, которую он давно и по праву привык считать своей.

Ничего не зная наверняка, сержант Камински не без оснований предполагал, что агентурные методы получения информации не дали желаемого результата – в противном случае не было бы никакой нужды пускать в ход палубную авиацию и составленные из отборных морских пехотинцев разведгруппы. А о степени испытываемого дядюшкой Сэмом любопытства можно было судить хотя бы потому, что группа Тэда Камински была уже третьей по счету, отправленной в течение полугода в район дислокации объекта U-8135. И Камински надеялся, что ей суждено стать первой, которая в полном составе вернется на базу, чтобы рассказать, наконец, что же представляет собой этот таинственный объект. Он не просто надеялся, а свято верил в это, потому что три – счастливое число. Так утверждала его матушка, а она знала, что говорит, поскольку сменила три страны проживания и пережила трех мужей. Третьей страной, в которой она окончательно осела, стала благословенная Америка, а третий и последний ее муж, благодаря которому миссис Камински и очутилась в числе счастливиц – подданных дядюшки Сэма, мало того, что практически не пил и не давал воли кулакам, так еще и оставил ей в наследство кругленькую сумму.

– Выходим в заданный район, – прозвучал в правом ухе транслируемый миниатюрным микрофоном голос пилота. – Минутная готовность.

– Всем приготовиться, – сев ровнее, скомандовал Камински, – проверить снаряжение.

Снизившись настолько, насколько позволяла растительность, вертолет завис над сельвой в точке, расположенной на расстоянии десяти миль от исчезнувшего со спутниковых снимков ущелья. Поднятый винтами ураган трепал и пригибал книзу макушки деревьев, заставляя густую темно-зеленую листву струиться и идти мелкими волнами, которые концентрическими кругами расходились в стороны, как это бывает, если сильно подуть в самый центр миски с горячим супом. Защелкнув на металлическом поручне стальной карабин десантного троса и немного напряженно улыбнувшись показавшемуся над восточным горизонтом краешку солнечного диска, Камински дослал патрон в ствол автоматической винтовки и первым шагнул за борт.

Повисший над морем трепещущей под тугими воздушными струями листвы «апач» уподобился фантастическому гнезду пауков, которые стремительно и беззвучно спускались вниз на удлиняющихся паутинках тросов. Когда последний из них, пробив зеленый полог, в кружащемся вихре сбитых листьев погрузился в извечный душный сумрак тропического леса, сельва вдруг ожила, взорвавшись хлещущими со всех сторон автоматными очередями.

Пилот почувствовал неладное, только когда одна из них с лязгом простучала по плоскому брюху железной стрекозы. Он резко бросил вертолет в сторону и вверх, и темно-зеленая винтокрылая машина взмыла над сельвой по пологой дуге, увлекая за собой свободно болтающиеся пуповины тросов. На конце одного из них, безвольно свесив руки и ноги, запрокинув голову, животом вверх висел чернокожий зубоскал Локсмит. Над курчавой зеленью джунглей, волоча за собой извилистый дымный хвост, с шипением поднялось продолговатое темное тело. Вовремя заметив опасность, пилот попытался отвернуть, но на такой дистанции шансов уйти от «стингера» у него не было, и спустя секунду вертолет исчез в клубящемся, распухающем на

глазах облаке рыжего пламени и жирного черного дыма, из недр которого, бешено вращаясь, разлетались горящие обломки.

Первое, что увидел сержант Камински, придя в себя, было наполовину залитое кровью веснушчатое лицо рыжего Флинстоуна. Рядовой первого класса морской пехоты ВМФ США Флинстоун лежал навзничь на толстом ковре опавшей листвы и перегноя, и по его лицу деловито ползали какие-то мелкие крылатые насекомые. Разом вспомнив все, Камински уперся ладонями в землю и с трудом приподнялся на руках, но тут же снова упал, получив безболезненный, но сильный толчок между лопаток.

В поле его зрения возник начищенный до зеркального антрацитового блеска армейский ботинок с высокой, почти до середины голени, шнуровкой. Ботинок слегка притопывал, как будто от нетерпения или с трудом сдерживаемого желания пуститься в пляс. Вокруг шуршали быстрые шаги, знакомо бряцало оружие и раздавались голоса, что-то быстро, оживленно говорившие по-испански. Поискав глазами, Камински увидел в каком-нибудь полуметре от себя свою винтовку, из которой не успел сделать ни единого выстрела. Он потянулся за ней, уже зная, что из этого ничего не выйдет, и не ошибся: еще один ботинок, приходившийся близнецом тому, что маячил у него перед глазами, аккуратно наступил ему на запястье, пригвоздив руку к пружинящему ковру лесного перегноя.

– Не спеши, гринго, – на довольно чистом английском обратился к нему владелец ботинка. – Тебе больше некуда торопиться. Поверь, то, что тебя ожидает, может подождать еще немного. Без проблем! А вот у тебя серьезные проблемы – ты себе даже не представляешь, насколько серьезные. Поднимайся, живо! Ты ведь хотел посмотреть на «Гнездо орла», верно? Будем считать это последним желанием приговоренного, и я не стану тебе в нем отказывать.

Глава 2

Был такой бородатый и довольно-таки похабный анекдот про двух мужиков в бане. Вообще-то, изначально он повествовал о двух лицах вполне себе определенной национальности, но нынче повсеместно вошла в моду так называемая политкорректность, поэтому пусть будет просто: два мужика. Стоят они, значит, голышом посреди бани и пристально друг на друга смотрят. Полчаса стоят, час, другой, и ни один не шевелится. Даже моргают через раз. Подходит к ним третий и спрашивает: вы чего, мужики, уже который час тут, как два столба, торчите? А один из них ему этак нехотя, сквозь зубы отвечает: «Мыло упало»...

Иногда даже странно становится, какой только мусор ни хранит в себе человеческая память. Это как у Цветаевой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Впрочем, вирши упомянутой поэтессы, вероятнее всего, произрастали все-таки из перегнойной почве и пожирнее, чем пресловутый анекдот о закатившемся под банную скамейку обмылке. Вообще, помнить подобную непроизносимую в приличном обществе чепуху подобало бы какому-нибудь находящемуся на полпути к окончательной деградации люмпену, в башке у которого никогда не было, а если и было, то давно уже не осталось ничего, кроме такого вот словесного хлама. Но Юрий Никодимович Кравцов, как по заказу, вспоминал этот глупый, не шибко смешной и далеко не самый свой любимый анекдот всякий раз, когда, стянув нижнее белье и оставшись в натуральном, природном виде, входил в душевую или, скажем, в ванную. В парилку, даже когда там находились дамы (ну ладно, ладно, не дамы – девки), он тоже шастал нагишом, но там история про двух мужиков и коварное мыло ему на ум не приходила никогда. Да оно и понятно: какое в парилке может быть мыло, откуда ему там взяться?!

По телевизору в последнее время стали много трещать про экстрасенсов, магов, колдунов и прочих ведьмаков, будто бы умеющих много всего такого, что недоступно подавляющему большинству простых смертных. Юрий Никодимович во весь этот бред не верил принципиально, а сейчас, сбросив мокрые плашки и автоматически вспомнив про мужиков и мыло, про себя еще и порадовался тому, что никакой телепатии и телекинеза на свете, вероятнее всего, не существует. Ну, телекинез – это ладно; это просто аттракцион, который можно за деньги показывать в цирке. Но вот если бы какой-нибудь телепат подслушал, о чем думает, готовясь принять душ, начальник одного из ведущих управлений министерства строительства Кравцов, вышла бы явная неловкость.

Юрий Никодимович был человек простой – что называется, из народа, – никогда этого не стеснялся и даже не думал скрывать от окружающих свое не шибко благородное происхождение. Легко добиться всего, чего душа пожелает, имея папашей дипломата или члена ЦК, а мамашей – народную артистку СССР; еще легче в наше время окончить Оксфорд и сделаться крупным бизнесменом или даже политиком, опираясь на денежки угнездившегося на Рублевке воруги-олигарха, приходящегося тебе близким родственником. А попробуйте-ка, приехав в семнадцать лет в Москву из глухой алтайской деревни в штопаных портках и с единственной сменой белья в чемоданчике, не просто зацепиться в столице, но и выбиться в люди! Для этого, господа хорошие, нужны острый ум, трудолюбие и железная хватка, которой ни в каком Оксфорде не научат. Вот и нечего тыкать человеку в нос каким-то дурацким анекдотом. Подумаешь, анекдот! Просто маленькая, простительная слабость сильного человека. Не нарочно ведь Юрий Никодимович его вспоминает – само вспоминается. Самопроизвольно, как чихание или это... ну, когда, бывает, гороха на ночь переешь.

Яркое утреннее солнце весело било в высокие и узкие, как бойницы, стрельчатые окна, что по трем сторонам периметра опоясывали просторный двадцатипятиметровый бассейн. Изнутри бассейн был выложен мальтийской плиткой, цвет которой постепенно менялся от бледно-голубого к сочному, насыщенному ультрамарину, создавая впечатление настоящей глу-

бины. Впервые в жизни воду такого чистого, без примесей, синего цвета Юрий Никодимович увидел в возрасте двадцати восьми лет в открытом море под Балаклавой, где, если верить капитану прогулочного катера, глубина превышает сто метров. Прогрызая себе путь наверх без посторонней помощи, он многое увидел, узнал и попробовал гораздо позже своих более удачливых сверстников, но ни о чем не жалел и никому не завидовал. Лучше поздно, чем никогда; к тому же то, чего добился сам, и на вкус слаще, и ценится дороже. Да и воспринимать новую информацию с возрастом начинаешь иначе, чем в юности, гораздо объективнее, правильнее и полнее.

Вода беспорядочно плескалась в кафельной чаше, дробя солнечные блики и понемножку успокаиваясь. Высокий, как в боковом притворе храма, сводчатый потолок отражал и множил мокрые шлепки и плеск, возвращая их гулким эхом. Пользуясь тем, что его никто не видит, Кравцов самодовольно усмехнулся. Здесь, в недавно достроенном загородном доме, ему нравилось все, даже эхо; нечего и говорить, что больше всего прочего в этом доме, как и на всем белом свете, Юрию Никодимовичу нравился он сам.

А почему бы, собственно, и нет?

С того далекого, полузабытого за давностью дня, когда Кравцов впервые увидел неправдоподобно ультрамариновую воду на выходе из Балаклавской бухты и понял, наконец, почему море так часто называют синим, прошло почти полных двадцать два года – целая, как ему когда-то казалось, жизнь. За эти годы он многое успел повидать, объездил всё постсоветское пространство и половину земного шарика в придачу, возмужал, заматерел и вошел в настоящую силу. Помимо нескольких десятков глупых анекдотов, память бережно хранила воспоминания о множестве сказочных, экзотических мест, где Юрий Никодимович побывал, и приятных, веселых, а зачастую очень полезных людей, с которыми он познакомился и завязал приятельские отношения. Он жил на полную катушку, работал с полной отдачей; бабы его любили, друзья уважали, а начальство ценило, признавая его высокие заслуги и отменные деловые качества.

Так почему бы, в самом деле, ему себе не нравится? Вон ведь он какой удалец! Полвека за плечами, в январе отпраздновал юбилей, пенсия не за горами, а до сих пор как огурчик!

Размашистым движением, почти не глядя, нацепив на крючок вешалки мокрые, капающие слегка хлорированной водицей плавки, Юрий Никодимович повернулся лицом к укрепленному на стене раздевалки большому зеркалу, поднял согнутые в локтях руки на уровень плеч, втянул живот, выпятил грудь и напряг бицепсы – не как современный культурист на подиуме, а как старинный цирковой борец на арене. Хотя силенкой папа с мамой его не обделили, на культуриста он и вправду не тянул. Поросшее пучками жестких темных волос бледное коренастое тело уже заметно одрябло и заплыло жирком, живот округлился, а грудь начала приобретать сходство с трясущимся, не влезающим ни в один лифчик бесполезным выменем растолстевшей старухи. Словом, огурчик уже слегка подувал, но заметно это было только вот так, без одежды, при беспощадно ярком дневном свете, соперничающем со светом люминесцентных ламп.

Да, огурчик стал уже не тот, что прежде. Вон, и хвостик обвис... Но это временно – так сказать, ввиду отсутствия в ближайшем обозримом будущем перспектив практического применения. А так он у нас еще о-го-го! По крайности, до сих пор никто не жаловался.

Взявшись обеими руками за основание своего «хвостика», начальник одного из ведущих управлений министерства строительства Юрий Никодимович Кравцов помахал им своему зеркальному двойнику. Двойник ответил тем же неприличным жестом.

– Дурак, – сказал ему Юрий Никодимович. – Посмотри на себя! Взрослый, солидный мужик, а чем занимаешься?

Пристыженный двойник убрал руки оттуда, где им в данный момент решительно нечего было делать, повернулся налево и, сделав три шага, скрылся из вида за краем зеркала – разу-

меется, не сам по себе, а копируя движения Юрия Никодимовича, который, бросив валять дурака, направился, наконец, в душ.

В просторной душевой было пусто, сухо и чисто, как в операционной. Такое излишество, как пластиковые кабинки, здесь отсутствовало ввиду полной ненадобности. Насвистывая мотив старой песенки, которая начиналась словами «Закаляйся, если хочешь быть здоров», Кравцов прошлепал босыми ногами по кафелю своего любимого темно-синего цвета. На сухом кафеле оставались мокрые отпечатки его подошв, судя по которым, Юрий Никодимович страдал плоскостопием. Хромированная стойка душа без единого пятнышка известкового налета блестела, как узкое кривое зеркало, в котором маячило искаженное до полной неузнаваемости отражение приближающегося Кравцова. Его любимая веревочная мочалка висела на специальном крючке слева от стойки; справа, на сверкающей хромом полочке, расположились прочие принадлежности – свежий кусок душистого мыла и бутылочка шампуня против перхоти.

Впрочем, пардон: шампунь куда-то подевался. Мыло лежало на месте, а вот белую с синей крышечкой бутылку как корова языком слизала. Или он просто забыл ее принести?

Даже не успев толком удивиться, Юрий Никодимович сделал еще один шаг и вдруг поскользнулся – не слегка, а всерьез, по полной программе. Правая нога стремительно поехала вперед по внезапно сделавшемуся скользким, как покрытый тончайшей водяной пленкой теплый лед, кафелю, и взметнулась в воздух, как будто Юрий Никодимович пробивал победный пенальти. Беспорядочно машущие в поисках опоры руки встречали только пустоту, заставляя сожалеть об излишнем, как теперь выяснилось, размахе, с которым было построено данное помещение.

Совершив немислимый, фантастический пируэт, Кравцов каким-то чудом сумел удержать равновесие. Но в тот самый миг, когда правая нога наконец-то коснулась пяткой пола, левая вдруг решила пойти по ее стопам и, в свою очередь, неудержимо рванулась вперед. Панический удар правой пяткой по кафелю только усугубил ситуацию – пол оказался залит сплошным тонким слоем жидкого мыла, и необдуманно резкое рефлекторное движение поставило в деле жирную точку: Юрий Никодимович рухнул, как срубленное дерево.

– Мыло, б...дь, упало, – успел выговорить он уже в падении, а в следующую секунду его затылок с коротким неприятным треском вошел в соприкосновение с темно-синим, цвета балаклавской воды, кафелем.

Примерно с минуту в душевой ничего не происходило. Поросшее пучками жестких темных волос обнаженное тело неподвижно лежало в почти невидимой на фоне блестящего кафеля прозрачной луже жидкого мыла. Из-под его головы медленно и беззвучно расплзлась еще одна лужа, имевшая другой, густой и темный вино-красный цвет.

Потом в тишине послышались легкие шаги, и в кривом зеркале хромированной трубы душевой стойки показались очертания еще одной человеческой фигуры. С головы до ног затянутый в черное человек осторожно, чтобы не поскользнуться, приблизился к лежащему в мыльной луже телу и, присев на корточки, пощупал пульс. Пульс отсутствовал. Исполняя предсмертный балетный номер на скользком полу, покойный начальник управления министерства строительства развернулся лицом к выходу, и теперь его расколовшаяся, как гнилой орех, голова лежала почти под воронкой душа, в десятке сантиметров от закрытого металлической решеткой сточного отверстия в полу. Человек в черном слегка пожал плечами, безмолвно отдавая дань уважения фортуне, которая по-прежнему оставалась его верной союзницей: такое расположение тела не было необходимым, но представлялось весьма удачным, являя собой маленький дополнительный бонус – что-то вроде премии за безупречно выполненную работу.

Выпрямившись, незнакомец пустил горячую, а затем и холодную воду. Отрегулировав температуру до приемлемых сорока двух – сорока четырех градусов, он снова наклонился и положил на кафель под полочкой для мыла открытую пластиковую бутылочку из-под шампуня, а затем, отступив, на глаз оценил плоды своих усилий.

Труп лежал ногами к выходу под работающим душем, растопырив плоскостопные, с кривыми мизинцами ступни, и тугие струйки воды били ему прямо в лицо. Доверху наполнив открытый рот, вода начала вытекать наружу; вспененный бьющими сверху струйками шампунь резво убежал в канализацию, смешиваясь с кровью и унося ее с собой. Лежащая на краю мыльной лужи открытая пластиковая бутылочка прозрачно намекала на ее происхождение, внося полную и окончательную ясность в и без того несложную картину трагического и нелепого несчастного случая.

Все было нормально. Неторопливо направляясь к выходу, человек в черном негромко, с оттенком уважительного изумления повторил последние слова покойного:

– Мыло упало... Надо же, какой веселый, юморной мужик!

* * *

Существует такое устойчивое выражение: романтика железных дорог. За последние суматошные, трудные, начисто лишенные романтизма, прагматичные десятилетия данное словосочетание практически вышло из употребления, но оно сохранилось на пожелтевших страницах пылящихся на библиотечных полках, всеми забытых книг; оно по-прежнему существует, и это по-прежнему не пустой звук.

Есть что-то таинственное и притягательное в ночных гудках маневровых тепловозов и разносящемся на многие километры в тихом предутреннем воздухе лязге буферов. Понятный только посвященным язык горящих красными и пронзительно-синими огнями семафоров, маслянистый блеск убегающих к горизонту стальных рельсов, хруст щебенки под ногами, исходящий от нагретой солнцем насыпи запах горячего мазута – все это сродни плеску волн и крикам чаек над гаванью, в которой стоит готовый сняться с якоря и уйти на поиски неведомых земель парусный фрегат.

Громящийся стальными колесами по стыкам железнодорожный состав – не просто деталь ландшафта и помеха движению застрявших на переезде посреди чистого поля автомобилей. Никто, кроме членов поездной бригады, не знает наверняка, откуда и куда он следует, когда прибудет на место и сколько времени проведет в чужих краях. Эти чужие края могут быть лучше или хуже тех, в которых обитаете вы; хорошо там, где нас нет, сказал кто-то, и мчащийся мимо курьерский поезд всякий раз напоминает нам о справедливости этой старой как мир истины.

Никто не знает, откуда; никто не знает, куда. Вы просовываете в окошечко кассы наличные или расплачиваетесь пластиковой картой, получая взамен билет, на котором, помимо всего прочего, черным по белому указано название станции назначения. Вы садитесь в вагон (тут, на верхнем боковом около туалета романтика бесследно улетучивается, но сейчас речь не о том), поезд трогается с места и везет вас – куда? Чаще всего, разумеется, именно в то место, название которого указано в купленном вами билете. Но сама идея того, что вы полностью вверяете свою судьбу машинисту и с приличной скоростью перемещаетесь в пространстве, не имея ни малейшей возможности хоть как-то повлиять на направление этого движения, заключает в себе возможность, пусть только теоретическую, очутиться совсем не там, куда вы намеревались попасть – не в том городе, не в той стране, в другом времени года, а может быть, и в другом, совсем не похожем на наш, мире.

Земля тоже перемещается в пространстве, причем довольно быстро. А кому-нибудь пришло в голову поинтересоваться, куда, собственно, она нас везет? Просто катает по кругу? Вы в этом уверены?..

Выступая с приветственной речью на открытии первой очереди новенького, с иголки, вагоностроительного завода, возведенного российскими специалистами на окраине Сьюдад-Боливар, Александр Андреевич Горобец слегка перегнул палку с пресловутой желез-

нодорожной романтикой. Вообще, ему, инженеру-технологу Уралвагонзавода, прибывшему в Венесуэлу, чтобы руководить пусконаладочными работами на новом производстве, на эту тему распространяться не пристало, поскольку в тонкостях железнодорожной кухни он смыслил немногим больше, чем любой российский гражданин, время от времени пользующийся услугами данного вида транспорта. Но говорить о вещах, которые ему по-настоящему близки и понятны, Александр Андреевич не имел права, а выпитая час назад стопка текилы, вступив в преступный сговор с палящим солнцем Южной Америки, вызвала бурную реакцию в виде конспективно приведенного выше словоизвержения.

Впрочем, ничего страшного не случилось. Большинство присутствующих слушали пламенную речь Александра Андреевича в изложении местного переводчика и, как и сам толмач, поняли из нее лишь то, что железные дороги – это хорошо, и что выступающий с трибуны русский – большой энтузиаст своего дела. Господин президент, в ту пору еще живой и даже небезуспешно пытающийся сойти за здорового, одетым в красную национальную рубаху одутловатым пугалом торчал в своей ложе и, казалось, спал с открытыми глазами. Местные журналисты и политиканы ласково называли его «команданте», всерьез утверждая, что это высокое неофициальное звание присвоил своему вождю свободолюбивый народ. Немногочисленные соотечественники – те, кто мог для галочки почтить своим присутствием митинг без ущерба для ведущихся на главном сборочном конвейере работ, – судя по закаменевшим лицам, с трудом сдерживали смех, но они были не в счет. Кто слушал Александра Андреевича по-настоящему, так это журналисты, особенно зарубежные. Пуще всех старался не пропустить ни единого словечка американец из «Ассошиэйтед Пресс» – по утверждению личного помощника команданте генерала Моралеса, матерый шпион, агент ЦРУ. Этот субчик не только внимательно слушал, но, кажется, еще и понимал то, что слышал. Это было просто превосходно: пусть-ка попробует извлечь из этих романтических бредней хотя бы завалющее рациональное зерно!

Один из способов что-нибудь скрыть – заставить всех поверить, что тебе нечего скрывать. Лучший способ что-то спрятать – положить это на самое видное место и держать там, пока окружающие не перестанут его замечать. Кроме того, приветственная речь Александра Андреевича не содержала ни единого слова неправды. Масштабная индустриализация в прошлом отсталой, по преимуществу аграрной страны, долгое время являвшейся сырьевым придатком развитой иностранной экономики, невозможна без строительства и развития современной сети железных дорог, это раз. Железным дорогам нужны локомотивы, это два. А чтобы локомотивы не бегали туда-сюда налегке, без видимой пользы, к ним необходимо цеплять вагоны, которые, в свою очередь, сами собой, от сырости, в хозяйстве не заводятся. Их надо или покупать за границей, или строить самостоятельно. Правительство молодой боливарианской республики решило, что строить умнее и дешевле; возможно, кто-то захочет с этим поспорить, но это уже его личное дело, его проблема. Духовные наследники Симона Боливара, дерзнувшие показать большой смуглый кукиш дядюшке Сэму, вряд ли станут прислушиваться к некомпетентному мнению постороннего человека, будь он хоть сам Папа Римский. Да, сам Папа, а что такого? При всем уважении к сану понтифика, что его святейшество может смыслить в вагоностроении?

Короче говоря, в тот раз взрывоопасное сочетание текилы и южноамериканского солнца пошло только на пользу общему делу. В этом Александра Андреевича убедило не только разочарованное выражение лица, с которым американский журналист по окончании его выступления захлопнул свой блокнот, но и слова сеньора Моралеса, который во время последовавшего за митингом банкета отвел его в сторонку и сделал комплимент, назвав Горобца достойным учеником президента Горбачева, умевшего говорить часами, ничего при этом не говоря.

Со дня пуска первой очереди прошло уже почти полгода. С тех пор утекло много воды, многое изменилось. Давняя болячка, с которой мужественно боролся здешний «команданте», в конце концов его доконала, и после череды пышных прощальных церемоний посмертно

награжденного копией шпаги Симона Боливара покойника было решено забальзамировать и поместить в одном из залов столичного музея революции. Российские специалисты, к числу которых относился и Александр Андреевич, не принимали участия в траурной шумихе. Договорных обязательств безвременная кончина президента не отменила, сроки чувствительно поджимали, а сеньор Моралес, который по совместительству курировал архиважный для молодой южноамериканской демократии проект, прозрачно намекнул, что продолжение работ по утвержденному графику станет лучшей, наиболее достойной данью уважения, которую русские друзья могут отдать усопшему команданте.

Русские друзья не спорили: не очень-то и хотелось. Заниматься привычной работой было интереснее, чем торчать на солнцепеке в жидкой тени пальм и приспущенных в знак траура флагов, слушая непонятные речи на испанском; кроме того, эта работа очень солидно оплачивалась, да и опасность ненароком сболтнуть лишнее здесь, на территории завода, автоматически сводилась к нулю.

Перешагивая через блестящие, то и дело перекрещивающиеся, чуть ли не сплетающиеся в косички стальные рельсы, Александр Иванович направлялся к главному сборочному цеху. Мимо, приветственно свистнув, прогремывал замызганный маневровый тепловоз, буксирующий в отстойник для готовой продукции коротенький состав из двух новеньких, блестящих, как игрушки, пассажирских вагонов. Если приглядеться, вагоны были не такие уж и новенькие – во всяком случае, запылиться они успели гораздо основательнее, чем это подобает изделиям, только что покинувшим сборочный конвейер. На стекле одного из наглухо закрытых окон чья-то преступная рука написала пальцем в пыли короткое слово «Putá», означавшее, если Горобца не подводила память, женщину легкого поведения. При ярком солнечном свете пыль выглядела ржаво-коричневой; она лежала на стеклах густым слоем, мешая рассмотреть, что делается внутри, но Александр Андреевич и без того знал, что смотреть не на что, что там внутри ничего нет, кроме голого стального каркаса.

Остановившись, чтобы не споткнуться об рельс, он задрал голову и посмотрел наверх. Там, в выгоревшей на солнце небесной голубизне, прямо сейчас с большой степенью вероятности мог находиться один из американских спутников-шпионов. Горобец где-то слышал, что аппаратура современных спутников позволяет рассмотреть и сфотографировать на поверхности земли объект размером со спичечный коробок и пересчитать звездочки на офицерских погонах. Ему захотелось помахать летящему по орбите спутнику рукой или по примеру здешних боливарианских революционеров показать кукиш, но он сдержал неразумный порыв. Бог с ними, с американцами, им и без Александра Андреевича показывают много такого, ради чего не стоило тратиться, выводя в околоземное пространство шпионские спутники: было бы на что смотреть!

Еще раз пронзительно свистнув, толкающий перед собой пустые жестяные коробки на колесах тепловоз вполз в гостеприимно распахнутые ворота отстойника. Горобец хорошо знал, что будет дальше. Не далее как сегодня ночью часть скопившихся в отстойнике вагонов и грузовых платформ по подземной железнодорожной ветке вернется в сборочный цех, чтобы с началом рабочего дня через равные интервалы по одному и небольшими партиями снова проследовать в отстойник. С орбиты весь этот цирк должен выглядеть как часть нормального, проходящего в штатном режиме производственного процесса. Точно так же дешевый искусственный фонтанчик китайского производства создает иллюзию бьющего из-под земли (вернее, из-под пола или прямо из крышки стола) родника, бесконечно гоняя по кругу один и тот же несчастный литр воды. И дешево, и сердито, и, главное, все довольны – даже американцы...

Больше всех был доволен сеньор Алонзо Моралес. Почему-то именно эта, не блещущая новизной и оригинальностью выдумка привела его в полнейший восторг, настолько бурный, что его превосходительство долго топал ногами и даже прослезился от смеха. Вспомнив о нем, Александр Андреевич тихонько вздохнул. Его превосходительство генерал Моралес... По зву-

чанию это было что-то книжное, наполовину забытое и не имеющее никакого отношения к реальной жизни. Кажется, такой персонаж был у О'Генри в «Королях и капусте». Президент свободной республики Анчурия Моралес – вроде бы, так, хотя, возможно, и нет. Да это не так уж и важно; суть в том, что поначалу словосочетание «генерал Алонзо Моралес» вызывало у Александра Анд ре еви ча ассоциации с иронической комедией, фарсом, буффонадой – словом, с чем угодно, но только не с тем мрачным военно-политическим триллером, который, судя по некоторым признакам, затевался прямо у него на глазах. Да и сам сеньор Моралес при своей наружности и манерах опереточного латиноамериканского военного на поверку оказался персонажем отнюдь не комическим, а местами, и не столь уж редкими, даже и страшеньким.

Горобцу уже не впервые пришло в голову, что он напрасно ввязался в это дело. Высокий оклад, отличные премиальные, пальмы, скалы, океан, вкусная еда, отменная выпивка и смуглые, ласковые и стоворчивые мулатки, танцующие при свете факелов на пустынных песчаных пляжах – все это лишь на время, и притом далеко не до конца, могло отвлечь его от крайне неприятного ощущения, что он участвует в чем-то, чего лучше было бы совсем не затевать.

Откуда-то из-под земли, заставив ее ощутимо вздрогнуть, донесся тяжелый лязгающий удар. Александр Андреевич встрепенулся, словно вдруг пробудившись от сна наяву, озабоченно посмотрел на часы и, более не поднимая глаз к нашпигованному американскими спутниками-шпионами небу, заторопился в направлении главного сборочного цеха.

Глава 3

Мир за окном был окрашен в различные – в основном, светлые, основательно разбеленные – оттенки серого. С жемчужно-серого полуденного неба беззвучно и неустанно сыпался густой, липкий снег, покрывая ровным пушистым слоем все, чего касался. Неутомимые дворники-таджики капитулировали примерно час назад, вместе с пластиковыми лопатами и оранжевыми жилетами укрывшись в своих пропахших китайской лапшой и гашишем каморках, и несвоевременный мартовский снегопад не спеша, со вкусом стирал с московских улиц и дворов последние следы их трудовой деятельности. Припаркованные на дворовой стоянке машины буквально на глазах превращались в округлые бесформенные сугробы, электрические провода опасно провисли под тяжестью налипшего на них снега, и наученные горьким опытом прошлой зимы москвичи загодя доставали из ящиков и выкладывали на видные места предусмотрительно припасенные свечи.

– Мыло, говоришь, упало? – с неопределенной интонацией переспросил генерал Потапчук, невидящим взглядом наблюдая за тем, как набирающая силу весенняя метель ткет за окном подвижный, густеющий с каждым мгновением снежный занавес.

– Так точно, – подчеркнуто деловитым тоном добросовестного служаки подтвердил Глеб Сиверов. – Был, знаете ли, такой бородастый анекдот про двух кавказцев в бане.

– Знаю, знаю, – проворчал Федор Филиппович. – Дурацкий анекдот. Плоский, как земная твердь в представлении древнего грека.

– Зато помянут к месту, – возразил Глеб. Он помолчал, дожидаясь ответной реплики, не дождался и нарочито бодро, чтобы не выдать своих опасений, спросил: – Надеюсь, это всё?

– Надежда – наш компас земной, – сообщил генерал. – Но на этот раз твой компас, увы, безбожно врет. Вот, ознакомься.

Извлеченная из потертого матерчатого портфеля тонкая пластиковая папка с негромким шлепком приземлилась на полированную поверхность стола и скользнула по ней к Глебу. Не прикоснувшись к ней, агент по кличке Слепой посмотрел на своего куратора поверх темных солнцезащитных очков и осторожно осведомился:

– Неужели из той же оперы?

– Опера, может, и другая, – сказал Федор Филиппович. – Но манера исполнения должна остаться прежней.

– Взглянуть бы хоть одним глазком на партитуру, – рассеянно обронил Слепой.

– Зачем?

– Не люблю непредсказуемых финалов. А от этих нот, – Сиверов слегка приподнял за уголок пластиковую папку и тут же уронил ее обратно на стол, – за версту разит какой-то тухлятиной. И вообще... Знаете, как-то раз француз, американец и русский попали в кораблекрушение...

– Опять анекдот?

– И притом бородастый. Но – тоже к месту, в тему. Плывут они, стало быть, по морю, вокруг на воде обломки всякие болтаются, и среди них – вот удача! – целый ящик виски. Выпили они бутылку, выпили другую, а в третьей оказался джинн – не тот, который со льдом, а настоящий, арабский. Ну, и, как водится, он им предлагает выполнить их заветные желания...

– Короче, – морщась, потребовал Федор Филиппович.

– Слушаю и повинуюсь... Если коротко, то русский оказался в очереди последним. Товарищи по несчастью уже сидят на новеньких виллах в объятиях знойных красоток и пересчитывают волшебные миллионы, а этот, наш, как обычно, плавает посреди океана в обнимку с пустым ящиком из-под вискаря. Джинн у него спрашивает: чего, мол, тебе надобно, старче?

А тот огляделся по сторонам и с такой, знаете ли, обидой, говорит: «Плыли вместе, пили вместе... Всех назад и ящик водки!»

– Глубокое проникновение в загадочную русскую душу, – с кислой миной прокомментировал услышанное Федор Филиппович. – Занятно, я раньше такого и не слышал... Только не пойму, какое отношение это имеет к... к чему, собственно?

– К ситуации, – ответил Глеб. – И ко мне, лично. Имеет, товарищ генерал, причем самое прямое. Я уже неделю чувствую себя примерно так же, как эти бедняги из анекдота, француз и американец. Только что сидел за столом – в объятиях, по уши в миллионах и так далее, радовался, что все позади, и вдруг – бац! То же море, тот же русский и тот же ящик, но уже без джинна... Уже и не вспомню, сколько лет подряд я так не работал: по фотокарточке, без объяснения причин, без суда и следствия...

– Гордыня выиграла? – то ли спросил, то ли подсказал генерал.

– Если угодно, можете называть это гордыней. Но факты – упрямая вещь. То, чем я сейчас занимаюсь – просто грязная работенка по замечанию на совок оставленного кем-то другим мусора. Это дело для одноразового исполнителя со стороны, а что бывает с одноразовыми исполнителями, мы с вами прекрасно знаем: сделал дело – гуляй смело. Желательно, ногами вперед. Чем я вам так насолил, товарищ генерал?

Федор Филиппович поморщился, как от зубной боли, засунул руку в боковой карман пиджака, замер на мгновение, будто припоминая, что именно собирался оттуда вынуть, и снова положил ладонь на колено – разумеется, пустую. Раньше именно в этом кармане пиджака у него лежали сигареты; потом их сменила круглая жестяная коробочка с монпансье, но и это было уже очень давно, лет пять, а то и все восемь, назад. Глебу эти манипуляции очень не понравились, поскольку свидетельствовали о том, что чувство «дежа вю» здесь испытывает не он один.

– Я сам не знаю, в чем тут соль, – неохотно признался Федор Филиппович. – Просто выполняю приказ, и все.

– Еще того лучше! – воскликнул Слепой. – Их бин зольдат, да? Может, вы даже не заглядываете в эти папочки? А зря! Не боитесь, что однажды заглянете, и... – Порывистым движением придвинув к себе лежащую на столе папку, он вынул оттуда портретную фотографию и, озабоченно хмурясь, взгляделся в черты лица изображенного на ней человека. – Странно, где-то я уже наблюдал эту физиономию... Кто же это, а? Черт, никак не вспомню... – Сунув фотографию на место, он выхватил из папки листок с установочными данными очередного клиента. – Та-а-ак, поглядим, кто тут у нас... Некто Потапчук Федор Фи... ну да, Филиппович. Глядите-ка, товарищ генерал, ваш полный тезка нашелся! И с лица – ну, точная копия!

– Хватит валять дурака, – проворчал генерал. – Помнится, это мы уже проходили.

– Так я ж о том и толкую! Проходили, причем давным-давно. Насилу прошли и вроде, слава богу, забыли, а оно опять тут как тут. Вот я и говорю: всех назад и ящик водки. А вы: плоско, не смешно... Конечно, что уж тут смешного!

– Не думай, что я сам в восторге от этой ситуации, – помолчав, негромко сказал генерал. – И поверь, что я ничего от тебя не скрываю – по крайней мере, ничего, что имело бы отношение к данному конкретному делу. Я действительно не знаю, что это за дело, одно ли оно, или это несколько никак не связанных между собой акций – действительно, как ты говоришь, замечание на совок чужого мусора...

– Очень похоже на то, – рассматривая листок с установочными данными, рассеянно вставил Глеб. – Первый был из министерства тяжелого машиностроения, вчерашний – из министерства строительства, а этот вообще заместитель министра жилищно-коммунального хозяйства в правительстве Москвы. В огороде лебеда, а в Киеве дядька... Такое впечатление, что кто-то в нашем руководстве слегка подвинулся умом, вообразил себя таким узко специализированным Бэтменом и вознамерился нашими с вами руками извести всех, сколько их есть на

Руси, взяточников. Потому что никакой другой связи, кроме взяток и казнокрадства, я между этими чинушами не наблюдаю. Но так ведь никаких патронов не хватит!

– Патронов-то хватит, – возразил генерал, – да где взять столько стрелков?

– Когда последний враг упал, труба победу проиграла. И в этот миг я осознал, насколько нас осталось мало, – грустно продекламировал Сиверов. – Да нет, это, конечно, чепуха. А кто отдал приказ?

– Не скажу.

– Ну вот, – развел руками Глеб, – а говорите, ничего не скрываете...

– Это не имеет значения, – отмахнулся Потапчук. – У меня сложилось совершенно определенное впечатление, что он сам ни черта не знает. Такое, во всяком случае, у него было выражение лица. И тон.

– Тон – это, конечно, да... – Сиверов вздохнул. – Как бы он – уж не знаю, кто он такой, – не выходя из состояния блаженного неведения, нам с вами шеи не посворачивал – просто так, на всякий случай, чтоб лишнего не сболтнули. А что, конкретно, он вам сказал этим своим красноречивым тоном?

– Не сказал, а приказал воздержаться от ненужного любопытства. Мне, лично, приказал.

– Вам, – многозначительно повторил Глеб, как всегда, безошибочно вычленивший ключевую фразу. – Лично.

– Ну да. – Это было сказано вскользь, как о чем-то незначительном и вряд ли стоящем упоминания. – С этим коммунальником надо разобраться как можно быстрее.

– Коммунальников начальник и мочалок командир... – задумчиво проговорил Слепой. – А надо ли торопиться? Для начала хотелось бы все-таки установить, какая между этими троими связь. Ведь должна же она быть! Причем что-то подсказывает, что запрятана эта связь совсем неглубоко – копни разок, и вот она, как на ладони.

– Возможно, – снова беря нейтральный, отстраненный тон, сказал Федор Филиппович. – Только хочу напомнить, что такая самостоятельность, сопряженная с вольной интерпретацией полученных от высшего руководства приказов, может привести к непредсказуемым и крайне неприятным последствиям.

– Как и боевые действия, ведущиеся с завязанными глазами, – добавил Глеб. – Хрен редьки не слаще, вы не находите?

– Никогда не сравнивал, – вставая из кресла, ответил генерал Потапчук. – Терпеть не могу ни того, ни другого. А с этим коммунальным деятелем не тяни. Мне ясно дали понять, что дело не терпит отлагательств. Так прямо и сказали: промедление смерти подобно. Впрочем, что я тебя уговариваю? Для тебя, полагаю, это не составит особенного труда. С твоим опытом, с твоими способностями...

– Да какой опыт, какие способности! – отмахнулся Сиверов. – Какие там тренировки, просто трусы за корягу зацепились... Был еще и такой анекдот – про соревнования на длительность пребывания под водой без акваланга.

– Тьфу на тебя, – не оборачиваясь, сказал направляющийся в сторону выхода генерал.

Спускаясь по лестнице из мансарды старого четырехэтажного дома, под крышей которого агент по кличке Слепой свил себе очередное конспиративное гнездо, Федор Филиппович старался отогнать от себя невеселые мысли и дурные предчувствия. Это задание, от выполнения которого он как человек военный просто не мог отказаться, нравилось ему ничуть не больше, чем Глебу, и он не хуже своего агента знал, чем кончаются такие игры втемную. Сначала ты таскаешь для кого-то каштаны из огня, а потом тебя же и делают крайним. А в делах подобного рода крайний – значит мертвый. Вот и сохраняй после этого бодрое, оптимистическое, деловое настроение...

Его машина стояла у самого подъезда, забравшись двумя колесами на тротуар – когда он приехал, все парковочные места в радиусе ста метров оказались заняты, и ее просто некуда

больше было поставить. С низкого серого неба продолжал неслышно и густо сыпаться пушистый, как на Рождество, снег. Федор Филиппович машинально стряхнул его с непокрытой головы, неодобрительно взглянул на сразу сделавшуюся мокрой ладонь и, на ходу натягивая перчатки, подошел к машине.

За те полчаса, что он провел наверху, «мерседес» замело так основательно, словно он простоял тут не одну неделю. Ветровое стекло, как и все прочее, было покрыто сплошным толстым слоем снега, который, как всегда при близких к нулю температурах, словно не знал, как быть: слежаться и смерзнуться или растаять. Придерживая у горла воротник расстегнутого пальто, Федор Филиппович свободной рукой в перчатке сгреб с покатога лобовика сыроватую, слипающуюся массу и плюнул с досады: под снегом обнаружился большой, на добрую половину ветрового стекла, круглый стикер. «Мне на всех наплевать, паркуюсь, где хочу!» – было написано на нем.

– Город дебилов, – перестав, наконец, сдерживаться, с раздражением процедил генерал ФСБ Потапчук. – Столица страны дураков!

Забравшись в остывший, сумрачный из-за залепившего окна снега салон, он вооружился мобильным телефоном и стал звонить в ведомственный гараж: возиться с закрывающей весь обзор наклейкой, прилепленной пешими и явно не обремененными избытком ума и социальной ответственности борцами за дорожную справедливость, не было ни времени, ни желания.

* * *

Узкая извилистая тропка круто поднималась вверх, лепясь к иссеченному глубокими трещинами и разломами, собранному в морщинистые вертикальные складки базальтовому обрыву. На камнях лежал пятнистый подвижный узор света и тени, и, подняв голову, можно было увидеть наброшенную на протянутые поперек ущелья стальные тросы маскировочную сеть. Наверху дул слабый ветерок, сеть лениво колыхалась, и пробивающееся сквозь нее солнце ударяло в глаза короткими слепящими вспышками. Непомерно длинные тросы заметно провисли под собственной тяжестью, что вкупе с относительно свободной сетью при взгляде сверху наверняка добавляло картине правдоподобия, создавая видимость волнистого рельефа.

Снизу доносились лязгающие металлические удары и хриплый рокот мощных дизельных моторов. Оглянувшись через плечо, сержант Камински бросил прощальный взгляд на место своего недолгого и отнюдь не приятного пребывания – пресловутый объект U-8135 «Гнездо орла» или, если воспользоваться более привычным, а главное, точным наименованием, «Крысиная нора». Сержант Камински выполнил задание – по крайней мере, первую его часть, что касалась получения информации о характере и назначении объекта. Что же до второй части, а именно передачи полученных данных командованию, то о ней, судя по всему, следовало поскорее забыть – как, впрочем, и обо всем, что составляло жизнь Тэда Камински с момента рождения и до этого дня.

Если что-то выглядит, как живая лошадь, то это, скорее всего, именно она и есть. Объект, который ударными темпами возводили в горном ущелье пропахшие чесноком и дрянным местным самогоном латинос, выглядел как большой противоатомный бункер в начальной стадии строительства, а значит, вероятнее всего, таковым и являлся – точнее, должен был со временем стать. И вряд ли стоило долго гадать, для кого именно он предназначен. Их драгоценный «команданте», стараниями которого дядюшка Сэм потерял не только контроль над этой страной и ее недрами, но и изрядный кусок недвижимости, приказал долго жить, но что с того? Как говорят русские, свято место пусто не бывает. Король умер, да здравствует король! На смену одному диктатору придет другой – как заведено в этих псевдодемократических пародиях на независимые государства, всенародно и единогласно избранный, – и укромное местечко, где

можно спрятаться как от Большого Северного Брата, так и от собственного народа, ему пригодится не меньше, чем предшественнику.

Приходилось признать, что целых три разведывательно-диверсионных группы, укомплектованных отборными морскими пехотинцами, погибли напрасно. Кому есть дело до этого недостроенного бетонного сарая?! Конечно, хорошо, что это именно сарай, а не фабрика по производству оружейного плутония; бесспорно, отрицательный результат – тоже результат, но стоило ли ради него погибать? Подумаешь, стратегически важный объект – бетонная нора, где жирная латиноамериканская крыса рассчитывает отсидеться, когда дядюшка Сэм, устав воевать с Ираком и Афганистаном, пришлет свои бомбардировщики сюда!

И потом: какая разница, что здесь, если Конгресс США все равно этого не узнает? То есть, со временем, конечно, узнает, но не от Тэда Камински, а от кого-то другого – увы, увы...

Подъем стал более пологим, и, посмотрев вперед поверх плеча конвоира, сержант увидел вмурованное в скалу массивное стальное крепление троса. Рядом на камешке, укрывшись от палящего солнца в подвижной тени маскировочной сети, расположился часовой в расстегнутой до пупа рубахе защитного цвета, заляпанных чем-то линялых шортах и широкополой панаме. В зубах у него дымилась самокрутка, на смуглой небритой физиономии застыло выражение ленивой скуки. На стволе торчком прислоненного к камню АК-47 сидела, сложив яркие крылышки, крупная, каких встретишь только в тропиках, бабочка. Идиллическую картину дополняла большая оплетенная фляга, лежащая у часового на коленях.

Передний конвоир приблизился к часовому и о чем-то бойко заговорил с ним по-испански, по ходу разговора непринужденно завладев флягой и сделав несколько богатырских глотков из горлышка. Мутноватая жидкость струйками потекла по подбородку и закапала на грудь, оставляя на оливково-зеленой ткани пропотевшей насквозь солдатской рубахи темные влажные пятна, в воздухе отчетливо запахло брагой. Второй конвоир, вынув из кожаной петли на поясе тяжелое мачете, одним точным движением перерезал веревки, что стягивали за спиной запястья пленника.

– Покури, гринго, – на ломаном английском обратился он к Камински, протягивая ему самодельную сигарету. – Кури не спеша, наслаждайся каждой затяжкой: это твоя последняя сигарета, следующую ты выкуришь уже в аду.

– Я оставляю тебе пару затяжек, – аккуратно, чтобы не просыпать табак, вставляя самокрутку в уголок разбитого, покрывшегося черной коркой свернувшейся крови рта, пообещал Камински. – Поверь, когда ты туда явишься, я буду поджидать тебя прямо у входа.

– Смотри, не обожги пальцы, – предупредил конвоир. – Ждать придется долго, за это время успеет истлеть не одна сигарета!

Посмеиваясь, он высек огонь и поднес пленнику бензиновую зажигалку. Камински вдохнул дым и тяжело закашлялся: в сигарете был вовсе не табак.

– Мировая дурь, – с довольной ухмылкой сообщил конвоир и несильно толкнул его в спину. – Шевелись, гринго, докуришь на ходу.

Камински хотел выбросить сигарету, но передумал. За всю свою жизнь он всего пару раз баловался травкой, так почему бы теперь, перед самым концом, хотя бы частично не наверстать упущенное? Тем более что конвоир не солгал: дурь, действительно, была мировая, высшего качества. Уже после второй затяжки тело стало легким, почти невесомым, голова слегка закружилась, а настроение без видимой причины поднялось настолько, что сержант начал видеть в своем теперешнем плачевном положении некий юмористический аспект. Ну, не смешно ли, в самом деле, затевать возню с палубными вертолетами и пачками гробить сливки морской пехоты только затем, чтобы подсмотреть, как банда латиноамериканских маргышек строит в этой дикой, труднодоступной местности противоатомный погреб для овощей?

Наверху, на гребне пологого отрога лесистого горного хребта, маскировочная сеть уже не заслоняла солнце. Тут было по-настоящему жарко, по спине и бокам, неприятно щекоча

кожу, потекли струйки пота. Пройдя сотню шагов, сержант снова обернулся и не увидел ушелю: даже на таком мизерном расстоянии маскировочная сеть почти идеально его скрывала. При очередной затяжке коротенький, подмокший слюной и потом окурок чувствительно обжег губы. Камински уронил его под ноги, наступив ботинком, и глупо улыбнулся. Он был под кайфом и находил это предсудительное состояние не только приятным, но и весьма своевременным, поскольку оно избавляло от моральных мучений, связанных с приближающейся смертью.

Впереди напоминанием о скором конце показалась жутковатая картина: вбитые в каменистую почву редким частоколом колья с насаженными на них человеческими головами. Их было около десятка; большинство усохло и почернело, мумифицировавшись на здешнем беспощадном солнце, но три или четыре оставались еще достаточно свежими, чтобы различить искаженные предсмертной мукой черты лиц. В одном из этих лиц Камински узнал рыжего Флинстоуна, другое, чернокожее и круглое, кажется, принадлежало Арчеру. Два других были ему незнакомы, но, судя по цвету кожи и коротко остриженных волос, принадлежали не латиноамериканцам.

Отдающее средневековой дикостью жуткое зрелище не произвело на обкурившегося сержанта никакого впечатления, как будто это была промелькнувшая на телевизионном экране картинка или фрагмент мимолетного, мгновенно забывшегося сна. Рыжий Флинстоун дружелюбно подмигнул ему с верхушки испачканного засохшей кровью шеста, и Камински подмигнул в ответ.

Именно это бессмысленное, кошунственное, вызванное наркотическим дурманом действие неожиданно вывело его из состояния протрации. Реальность обрушилась на него со всех сторон, как разом выплеснувшаяся из перевернутого многотонного бака ледяная вода. Маленькое злое солнце яростно палило с пустого, блеклого от жары неба, по всему телу струился пот, от насаженных на колья отрезанных голов сливок морской пехоты невыносимо разило мертвечиной. Густой соленый пот щипал слизистую оболочку глаз, и Камински рассеяно вытер его грязным рукавом рубашки.

– Помолись, если умеешь, – предложил тот из конвоиров, что худо-бедно владел английским, и картинно, с отяжкой, лязгнув затвором АК-47.

Камински повернулся к своим убийцам спиной. Он вырос в набожной католической семье и, хотя в последние годы почти не посещал церковь, в душе оставался ревностным католиком – таким же, как бы смешно и нелепо это ни прозвучало, как и те два головореза, что через несколько секунд должны были изрешетить его из автоматов. Сержант Камински истово перекрестился и, сложив перед грудью ладони, начал шептать слова молитвы. Воздетый к небу взгляд сразу пришлось опустить – солнце било прямо в глаза, мешая не только смотреть, но и сосредоточиться мыслями на последней покаянной молитве, которую, как подозревал сержант, ему вряд ли было суждено дочитать до конца.

Он опустил глаза и увидел перед собой широкую, подернутую легкой дымкой панораму поросшей густым тропическим лесом гористой местности. Где-то там, за теряющимся в знойном мареве горизонтом, спокойно плескалось Карибское море. В той стороне были Соединенные Штаты, Нью-Йорк и Квинс, где в маленькой квартирке на третьем этаже старого доходного дома его дожидалась матушка. На плите в большой кастрюле медленно остывал бигус, приготовленный на случай неожиданного приезда любимого сына, в духовке, распространяя по всему дому умопомрачительный аромат, поспедали пирожки с телячьими потрохами – излюбленное лакомство Тадеуша Каминского, которое он уже никогда не попробует...

Молитвенно потупив взор, одними губами шепча знакомые с детства слова, сержант Камински посмотрел прямо перед собой. У самых носков его пыльных армейских ботинок каменистая почва обрывалась вниз крутым, поросшим непролазными джунглями косогором. Смыкающиеся друг с другом кроны совсем чуть-чуть не доставали до гребня, сливаясь в сплошную ядовито-зеленую завесу всего в нескольких метрах от края тропы. Слабый порыв

ветра коснулся лица, принеся с собой густую, плотную волну нестерпимого смрада, и Камински понял, куда подевались тела людей, чьи головы торчат рядом с ним на шестах. Вскоре ему предстояло составить им компанию, и сержант вдруг подумал: а чего я, собственно, жду – пули в спину?

Он еще раз перекрестился, запрокинул голову, как бы вознося к небесам последнюю мольбу, и, собравшись с духом, внезапно и стремительно метнулся вперед и вниз. Позади раздались почти неслышные за шорохом и перестуком сыплющихся из-под ног мелких камней встревоженные крики, оглушительно простучала длинная автоматная очередь, но сержант уже на полном ходу вломился в заросли. Жесткие и шершавые, как наждачная бумага, листья хлестнули по лицу, острая ветка пробороzdила щеку, едва не выколол глаз, но непроницаемый зеленый полог уже сомкнулся над головой, лишив автоматчиков возможности вести прицельный огонь. Уже на третьем шаге Камински оступился, упал и поехал вниз на боку, увлекая за собой клубящуюся, кувыркаящуюся, увеличивающуюся с каждой секундой лавину камней, пыли и прелой листвы. Вслед ему наугад густо палили из двух автоматов, свинцовые плети очередей хлестали джунгли вдоль и поперек, сшибая с деревьев листья и ветки. Пули щелкали о камни и стволы, с сочным чмоканьем впивались в мясистые стебли, перерубая их пополам; земля вдруг куда-то исчезла, и, пролетев два или три метра по воздуху, Камински с маху приземлился на что-то мягкое, с неприятным чавкающим звуком подавшееся под его тяжестью.

Лавина потревоженного его головоломным спуском лесного мусора, догнав, осыпала сержанта градом мелкого щебня, сухих веток и листвы, но даже сквозь шум обвала он расслышал слитное, басовитое жужжание разом взметнувшихся в воздух неисчислимых полчищ мух. В ноздри опять ударил невыносимый, густой, как кисель, липкий смрад разложения. Опустив глаза, Камински увидел торчащую из отвратительного черно-коричневого месива человеческую руку со скрюченными пальцами. В другом месте в глаза бросился солдатский ботинок, потом пряжка форменного ремня, рукав с нашивками капрала... Зажав руками рот, чтобы сдержать крик, давясь подступающей к горлу рвотой, сержант Камински с трудом выбрался из страшной кучи и, шатаясь, заковылял вниз по крутому склону.

Сверху дали еще несколько очередей, а потом пальба разом прекратилась – видимо, у стрелков кончились патроны.

– Езус-Мария, – трясушимися губами пробормотал Камински, судорожно перекрестился и скрылся в селве.

Упустившие пленника конвоиры одинаковым движением забросили за спины курящиеся синеватым пороховым дымком автоматы. Один из них – тот, что говорил по-английски, – достал из нагрудного кармана рубашки пачку сигарет, сунул одну в зубы, а остальные протянул коллеге. Сигареты были самые обыкновенные и не содержали в себе ничего, кроме выращенного на местных плантациях табака.

– Надеюсь, мы в него не попали, – сказал он, – иначе капитан спустит с нас три шкуры.

– Если попали, – выковыривая из предложенной пачки сигарету, с ухмылкой отозвался второй конвоир, – то нам достался какой-то уж очень невезучий гринго.

Они закурили, но тут же были вынуждены спрятать сигареты за спину, поскольку капитан Гонсалес, как обычно, был легок на помине.

– Ушел? – спросил он, шурясь из-под козырька кепи на раскинувшееся внизу волнистое море курчавой зелени.

Спрашивать было незачем: колыхание крон и вспархивающие над лесом стайки спугнутых появлением человека птиц отмечали путь беглеца так же ясно, как если бы тот двигался по открытой местности, держа в руках большой, заметный издали транспарант со своим именем и воинским званием.

– Да, сеньор капитан, – в один голос подтвердили конвоиры.

– Мы сделали для него все, что могли, – добавил тот, что владел английским. – Осталось только дать ему денег на дорогу, но тогда бы он, наверное, удивился, а то и заподозрил бы, что это розыгрыш.

– Что ж, свою увольнительную вы заработали, – сказал капитан Гонсалес. Соседствующее с кокардой у него на лбу полукружье латунных пятиконечных звездочек придавало сеньору капитану некоторое сходство с бутылкой коньяка четырехлетней выдержки, но никому из его подчиненных это сравнение на ум не приходило по той простой причине, что они привыкли обходиться выпивкой попроще. – Надеюсь, генерал Моралес будет доволен. Всем будет спокойнее, если гринго клюнут на его приманку и перестанут, наконец, совать в наши дела свой длинный нос. Передайте Хуанито, чтобы начинал сворачивать лагерь. И дайте команду бульдозеристам, пусть немедленно прекращают этот балаган и возвращаются на объект. Машины уже в пути, через полчаса техника должна быть готова к погрузке.

Глава 4

Лес рубят – щепки летят. Глеб Сиверов всеми фибрами души ненавидел эту поговорку, но время от времени обстоятельства вынуждали его действовать в полном соответствии с ней.

Снегопад, постепенно усиливавшийся на протяжении последних двух дней, к утру превратился в метель – да нет, в настоящую пургу, в снежный буран, какого Москва не видела уже много лет подряд. Свирепый порывистый ветер мчал косые полотнища снега почти параллельно земле, видимость то и дело падала до нуля, чему немало способствовал сырой оттепельный туман, заполнивший собой каменные ущелья городских улиц. Дороги заметало раньше, чем их успевали расчистить. Колесные тракторы с оранжевыми мигалками и навесными бульдозерными лопатами стойко и обреченно бодались с прямо на глазах растущими посреди проезжей части сугробами, а метель, пританцовывая в ритме вальса, шла за ними по пятам, заметая следы покрышек, сглаживая углы и выступы и превращая город в ровное снежное поле.

Штормовое предупреждение поступило своевременно, но толку от него не было никакого, поскольку справиться со снежным шквалом такой интенсивности коммунальные службы заведомо не могли. Были приняты все необходимые меры по минимизации последствий стихийного бедствия – так, по крайней мере, утверждали официальные сводки, – после чего всем обитателям заметаемого тысячами тонн снега гигантского мегаполиса, кроме дворников и водителей снегоуборочных машин, осталось только одно: смириться с неизбежным и терпеливо ждать весны.

Только наивный чужак, не имеющий ни малейшего представления о том, чем живет, дышит и руководствуется в своих действиях среднестатистический российский чиновник, может полагать, что в такие моменты движимые чувством долга серьезные, облеченные властью, способные справиться с любой проблемой люди с тяжелыми от бессонницы веками пробиваются сквозь метель, стоя на подножке бульдозера, или ночи напролет просиживают в служебных кабинетах, сорванным голосом выкрикивая в трубки многочисленных телефонов по-военному отрывистые команды. Густой табачный дым лениво клубится в конусе света от настольной лампы, на свесившейся со стола подробной карте столицы остывает в стакане с массивным литым подстаканником недопитый чай... Воспользовавшись короткой паузой, человек в белой рубашке с наполовину распущенным галстуком и расстегнутым воротником берет со стола стакан, делает глоток, морщась от горечи чересчур крепкой заварки, закуривает невесть которую по счету сигарету и, подойдя к окну, с тревогой и ожиданием смотрит в исполосованную метелью темноту. Его умное волевое лицо осунулось от усталости, но об отдыхе не может быть и речи: он ждет очередного тревожного звонка, готовясь лицом к лицу встретить новую проблему, решить которую может только он, и никто, кроме него...

Держи карман шире!

Руководитель по-настоящему хорош лишь тогда, когда возглавляемый им коллектив может спокойно и плодотворно работать без вмешательства с его стороны. А если не может, значит, руководитель ни на что не годен, и его надо гнать взащей. Никто не станет спорить (по крайней мере, вслух) с тем, что этой страной управляют грамотные, очень неглупые, компетентные люди. И, если означенный руководитель среднего звена в течение энного количества лет не только ни разу не был выгнан взащей, но и уверенно продвигается по служебной лестнице, это означает, что он таки хорош. А раз хорош, значит, встречать в производственный процесс ему незачем – работа организована и налажена, подчиненные решают все проблемы без него. Тем более, что сколько ни прыгай по подножкам бульдозеров и ни ори в телефон, снега от этого меньше не станет.

Логично? Ну, а то!.. К тому же, рано или поздно весна все-таки наступит, и проблема борьбы со снежными заносами решится сама собой. А поскольку до прихода тепла снег все

равно никуда не денется, то и надрывать пупок незачем – один ведь он, пупок-то, и другого не предвидится.

Конечно, когда доходит до крайности, и руководство самого высокого уровня начинает метать громы и молнии, требуя совершить невозможное или издохнуть на боевом посту, можно сделать исключение и действительно пожить несколько суток у себя в кабинете – с умным усталым лицом, ослабленным галстуком, крепким чаем и так далее. Но, пока до этого не дошло, заместитель министра жилищно-коммунального хозяйства Москвы Вячеслав Эдуардович Ромашин предпочитал не мешать подчиненным изображать героическую борьбу с разгулявшейся стихией.

Эта политика невмешательства по принципу «вам доверие – с вас и спрос», увы, не избавляла от необходимости ежедневно являться на службу – участвовать в совещаниях, проводить совещания, и так с утра до вечера, пока не потемнеет и за окошком, и в глазах. До настоящего форс-мажора еще не дошло, но дело уверенно продвигалось именно в этом направлении, и Вячеслав Эдуардович мало-помалу начал нервничать.

Когда Вячеслав Эдуардович Ромашин нервничал, всем, кого угораздило подвернуться ему под руку, приходилось несладко. Хорошо изучив своего шефа, водитель служебного автомобиля господина Ромашина в это утро поднялся с постели ни свет ни заря. Головомойки все равно было не избежать, но головомойка головомойке рознь. Когда пассажир просто вымещает на тебе дурное настроение, вызванное необходимостью в кои-то веки заняться своими прямыми обязанностями, это одно. А втык за допущенное по твоей вине опоздание на совещание у министра – о, это уже совсем другое дело! Как говорится, было бы за что – вообще убил бы...

С учетом дорожной обстановки, которую так и подмывало назвать катастрофической, выехать следовало как можно раньше. Несмотря на штормовое предупреждение и прочие неприятные вещи, господин Ромашин не посчитал нужным поступиться своими привычками и провел эту ночь не в городской квартире, а в загородном доме, расположенном недалеко от Барвихи. (Когда новые знакомые его об этом спрашивали, он отвечал, что живет не около, а в Барвихе; звучало это солидно, а заключенная в таком ответе ложь была совсем крошечной, невинной – не ложь, собственно, а так, вполне допустимая в бытовом разговоре маленькая неточность).

Наспех выпив большую кружку крепкого черного кофе, водитель вышел из квартиры. Заранее зная, какое веселенькое утро ему предстоит, он договорился с начальником ведомственного гаража и с вечера поставил служебную машину Ромашина у себя во дворе, под окнами. Это автоматически порождало необходимость утром выкапывать ее из сугроба и дольше обычного прогревать двигатель, зато сэкономило почти час, который в противном случае пришлось бы потратить на дорогу до гаража.

Было начало шестого утра, на дворе стояла кромешная темень, лишь слегка разжиженная светом уличных фонарей. Ветер трепал одежду и забивал дыхание, по двору вдоль и поперек гуляли полотнища и косые крутящиеся столбы летящего со страшной скоростью снега. Сойдя с крыльца, водитель сразу же выше щиколотки провалился в сугроб; порыв ветра, как в парус, ударил в деревянный штык снеговой лопаты, едва не вырвав ее из руки и исторгнув из груди водителя сердитый непечатный возглас.

Не сразу вспомнив, под каким из совершенно одинаковых горбатых сугробов похоронена вверенная ему служебная «ауди» Ромашина, водитель направился туда. Какая-то с головы до ног облепленная снегом, сгорбленная, толстая из-за наваленного на нее тряпья фигура, неожиданно вынырнув из метели, шагнула ему наперерез и сиплым, насквозь пропитым голосом завела знакомую до отвращения волюнку:

– Уважаемый, минуточку вашего внимания, если позволите. Не откажите в любезности...

– Отвали, – коротко и без тени столь необходимой раннему попрошайке любезности буркнул водитель, – без тебя тошно.

Попрошайка, пьяно качнувшись, отступил с дороги. Это был типичный, ярко выраженный бомж – краснорожий, косматый, до самых глаз заросший грязной, местами подпаленной у костра пегой бородищей, в чересчур просторной куртке с чужого плеча и намотанном поверх нее драном бабьем платке.

– Я только хотел узнать, не соблаговолите ли вы...

– Отвали, – беря наперевес лопату, повторил водитель. – А то сейчас как соблаговолю вот этой хреновиной поперек хребта!

Бомж отвалил, горбатым шатающимся призраком утонул в метельной круговерти. Ворча себе под нос нелицеприятное, водитель вступил в единоборство с сугробом. Для начала он решил откопать левую переднюю дверь, чтобы, включив двигатель, спокойно расчистить остальное, пока он будет прогреваться. Задача перед ним стояла не особенно сложная: градусник за окном кухни показывал всего-то минус один, а значит, снег не примерз к стеклу и железу и его будет сравнительно легко убрать – просто смахнуть, и все.

Сноровисто орудуя лопатой, он вдруг не столько заметил, сколько почувствовал постороннее присутствие. Подняв голову, он увидел невероятную в своей неопишуемой наглости картину: давешний бомж, пристроившись к машине со стороны правого переднего крыла, ковырялся заскорузлыми пальцами в ширинке с явным и недвусмысленным намерением справить малую нужду прямо на украшенный четырьмя серебряными кольцами радиатор.

– Э! – не веря своим глазам, со смесью изумления и угрозы выкрикнул водитель. – Але, убогий! Ты охренел, что ли?!

Даже не повернув в его сторону головы, бомж терпеливо и неуклюже продолжал свои раскопки. Вряд ли в его действиях присутствовал какой-то недобрый умысел; скорее всего, разрушенный суррогатным алкоголем, необратимо деградировавший мозг этой человеческой развалины просто был не в состоянии трезво оценить обстановку. В общем, хорошо быть кисою, хорошо собакою – где хочу, пописаю, где хочу, покаю... Недолго думая, водитель от греха подальше воткнул лопату в снег и бросился спасать казенное имущество. Действуя быстро, но обдуманно, он приблизился к противнику с фланга, чтобы в запале грядущей битвы ненароком не попасть под ту самую струю, которую стремился отвести от бампера «ауди», и, схватив его одной рукой за грудки, другой съездил по прикрытому спутанными, мокрыми от налипшего снега космами уху.

Бомж рефлекторно отдернул голову, и богатырский замах пропал даром.

– Чего, чего? – невнятно забормотал он, слабо отпихиваясь руками. – Чего тебе от меня, дядя? Отлить, что ли, нельзя?

– Я тебе сейчас отолью! Грабли свои вонючие убери и чеши отсюда, пока я тебе твою лейку с корнем не выдернул и в пасть не затолкал!

Схватив бомжа за грудки обеими руками, водитель встряхнул его, как пустой мешок, и тут же с болезненным шипением отдернул правую руку, ощутив короткий укол в подушечку среднего пальца. Наброшенный на плечи бомжа дырявый, клетчатый с бахромой, платок соскользнул, трепеща, как боевое знамя, и наверняка улетел бы по ветру, если бы хозяин его не поймал. Что-то недовольно бормоча, сутулясь пуце прежнего и неуверенно переставляя ноги, бомж покинул театр военных действий и опять, на сей раз уже окончательно, затерялся в метели.

Запустив, наконец, двигатель, водитель включил в салоне верхний свет, стянул с правой руки перчатку и осмотрел пострадавший палец. Крови не было, на месте укола виднелось едва различимое красноватое пятнышко. Водителю вспомнился по-бабьи наброшенный на плечи бомжа клетчатый платок. Концы его, по всей видимости, были скреплены булавкой, которая во время потасовки расстегнулась и вонзилась в палец – к счастью, совсем неглубоко. Боль была вполне терпимой, а к тому моменту, когда черная «ауди А6», мрачно посверкивая фарами сквозь метель, осторожно выбралась с заметенной снегом стоянки, прошла совсем.

Творящийся на дорогах крошечный ад заставил его окончательно забыть о маленьком утреннем инциденте. Москва – очень большой город, и в ней очень много всего – в том числе, к сожалению, и лиц без определенного места жительства. И человек, постоянно проживающий и работающий в этом непомерно огромном городе, просто физически не в состоянии надолго сосредоточиться мыслями на такой чепухе, как опустившийся до полной потери человеческого облика бродяга, едва не обмочивший бампер его машины. Какой-нибудь недалекий провинциал, наверное, рассказывал бы об этом пустячном инциденте годами, постепенно добавляя к рассказу все новые художественные подробности, пока тот не превратился бы в эпическую поэму наподобие «Одиссеи» или мифа о Гильгамеше. И он пересказывал бы эту героическую повесть снова и снова детям, внукам и правнукам, пока кто-нибудь из них, потеряв, наконец, терпение, не придушил бы старого брехуна подушкой. Но москвичи не таковы; жизнь москвича представляет собой сплошную череду стрессовых ситуаций, и мозг столичного жителя в целях самозащиты автоматически стирает из памяти лишнюю негативную информацию.

Для водителя персонального автомобиля высокопоставленного столичного чиновника это справедливо вдвойне. Постоянный источник дополнительного, и притом неслабого, стресса все время находится прямо у него за спиной, на заднем сидении авто, и работает этот источник бесперебойно. Герой одного из недавно вышедших на экраны фильмов, персональный водитель какого-то депутата, говоря о своем хозяине, заметил, что, когда тот сидит в машине, становится трудно соблюдать не только правила дорожного движения, но и законы физики. Вячеслав Эдуардович Ромашин, особенно когда торопился, был именно таким пассажиром, а торопился он всегда – в основном, потому, что, как всякий русский человек, любил быструю езду. А еще, как всякий русский чиновник, знал, что ему за такую езду ничего не будет.

Сначала вы понимаете: за такую мелочь, как превышение скорости, меня никто не накажет, потому что я – государственный, наделенный властью человек. Потом вам начинает представляться, что, если вас никто не наказывает, это значит, что вы не совершаете ничего предосудительного или, упаси бог, противозаконного. А через какое-то, как правило, непродолжительное, время вы преисполняетесь уверенности, что все, что бы вы ни сделали, хорошо и правильно – по крайней мере, до тех пор, пока вами довольно начальство. Это замкнутый круг, попасть в который легко, а выбраться очень трудно – трудно потому, что находиться внутри этого круга удобно и комфортно. А кто же по доброй воле откажется от комфорта и дополнительных удобств? Кто-то, наверное, отказался бы, но такой «кто-то» никогда не делает карьеры на поприще государственной службы.

С рассветом метель не прекратилась. Загородное шоссе напоминало поле танкового сражения. Оранжевые снегоуборочные машины шли уступом, сгребая с проезжей части снег и громоздя его на обочинах высокими гребенчатыми валами. Отдельные участки трассы превратились в свалку битых машин; снег заметал искореженное железо и черные лужи моторного масла, нежданно-негаданно наступивший в середине марта день жестянщика стремительного набирал обороты, и конца этому пока что не предвиделось.

– Что в городе? – брюзгливым начальственным тоном поинтересовался развалившийся на заднем сидении «ауди» Ромашин.

– Пробки, – лаконично ответил водитель.

Справа промелькнула разбитая на обочине брезентовая армейская палатка – оборудованный в срочном порядке пункт обогрева и оказания первой медицинской помощи. Рядом с ней стояла наготове техника – мощный тягач, оранжевая окраска которого указывала на принадлежность к коммунальным службам, ярко-красная пожарная машина и карета «скорой помощи». Сине-белая машина ДПС тоже была тут как тут, и упакованный в толстое зимнее обмундирование патрульный прохаживался вдоль обочины, внося своим присутствием дополнительную нервозность.

– Пробки, – недовольно проворчал Ромашин. – Накупили этого хлама на колесах, ни проехать, ни пройти! Ездили бы на метро – не было бы пробок, а то нынче каждому лимузин подавай!

Водитель благоразумно промолчал, тем более что ответа от него не ждали – его мнение тут, как обычно, никого не интересовало.

– По Кольцевой езжай, – отрывисто скомандовал Вячеслав Эдуардович. – Так оно скорей получится. Да газу, газу подкинь! Что ты ползешь, как вошь по мокрому месту!

Когда, миновав заснеженную развязку, они выбрались на МКАД, было уже совсем светло. Снег густо летел навстречу, в бледно-серой пелене ненастья неярко посверкивали залепленные тающими хлопьями фары и оранжевые вспышки проблесковых маячков на кабинах дорожных машин. Здесь, на Кольцевой, мощный, щедро профинансированный механизм коммунальных служб столицы противостоял разгулу стихии настолько успешно, что одержанные им победы были видны невооруженным глазом. Расчищенная дорога была щедро посыпана реагентами, и, почувствовав под колесами вместо снеговой каши твердый, хотя и мокрый асфальт, водитель, наконец, выполнил требование пассажира, плавно утопив педаль газа. Турбированный двигатель запел на высокой ноте, и черная «ауди», перестроившись в крайнюю левую полосу, сорвавшись с направляющих пусковой установки самонаводящейся ракетой стремительно рванулась вперед.

– Газ справа, – ворчливо напомнил с заднего сиденья Ромашин, как обычно, недовольный отсутствием перегрузок, которые испытывает пилот сверхзвукового истребителя. – Дави на него, дави! Ногой дави, а не усилием мысли! Этак мы и к завтраму не доберемся, а у меня в девять совещание.

– Успеем, Вячеслав Эдуардович, – пообещал водитель, неожиданно для себя зевнул и мгновенно, безболезненно умер, навалившись грудью на ступицу рулевого колеса.

Ромашин издал какой-то нечленораздельный возглас – не столько испуганный, сколько сердитый. Потерявшая управление на скорости сто шестьдесят километров в час машина вильнула влево и задела металлический отбойник, разделяющий встречные транспортные потоки. От толчка мертвый водитель завалился вправо, повернув в ту же сторону руль, на котором лежал. Идущий в соседнем ряду джип ударил «ауди» в правое заднее крыло, отшвырнув под колеса мчащейся еще правее фуры, и сам закрутился в смертельном вальсе на скользкой дороге, пока не стал, с грохотом врезавшись в отбойник.

К тому моменту, когда последний удар выбросил, наконец, превращенную в рассыпающуюся груды искореженного металла иномарку на заснеженную обочину, Вячеслав Эдуардович Ромашин был уже мертв. К сожалению, здесь и сейчас умер не он один: запущенная внезапно скончавшимся водителем цепная реакция продолжалась в лязге и пушечных ударах налетающих друг на друга машин, и было ясно, что в печальную статистику дорожных катастроф прямо сию минуту вписывается новая кровавая строка.

* * *

За окном уже совсем стемнело. Снегопад немного ослабел, ветер поутих, и при желании сквозь частую сетку падающих с мутного от электрического зарева большого города неба хлопьев можно было разглядеть заснеженный двор с холмиками заметенных авто, освещенные окна соседнего дома и вообще все, что угодно. У Глеба Сиверова желание смотреть в окно отсутствовало: он знал, что ничего нового и интересного там не увидит. Он смотрел телевизор; ничего интересного не показывали и там, но оставалась надежда увидеть хотя бы что-то новое – иначе зачем, скажите на милость, существуют выпуски новостей?

Главной новостью дня оставался, конечно же, снежный шторм, принесенный циклоном из погребенной под метровыми сугробами Европы. Редакторы, готовившие сюжет, явно взяли

на вооружение опыт коллег из некоторых братских республик. Для начала диктор подробно и красочно рассказал, каких бед натворило ненастье в соседних Украине и Белоруссии: парализованное движение на трассах, десятки оставшихся без электричества населенных пунктов, сотни разбитых вдребезги машин, – и лишь потом плавно перешел к незначительным, с самой первой минуты взятым под неусыпный контроль неудобствам, которые побившая столетний рекорд мартовская выюга доставила жителям российской столицы.

Текст звучал за кадром, на фоне иллюстрирующих его видеозарисовок, и Глебу подумалось, что это сделано неспроста. С одной стороны, такое построение сюжета выглядит вполне современно – информативно, динамично, в ногу со временем. А с другой, избавляет от тяжелой – пусть не для всех, но для кого-то все-таки тяжелой – необходимости врать, не краснея. Ври, сколько душе угодно, и, если не разучился, красней себе на здоровье – все равно никто, кроме твоих коллег, этого не увидит, а коллегам не привыкать.

С кухни доносились по-домашнему уютный вечерний звон посуды и шипение масла на раскаленной сковородке. Оттуда тянуло вкусным, вызывающим обильное слюноотделение запахом жареного лука и подрумянивающегося мяса – Ирина готовила ужин, и Глеб уже добрых десять минут с трудом перебарывал желание ее поторопить. На кухне тоже бормотал телевизор; приглушив звук, Сиверов убедился, что жена смотрит ту же программу, что и он. Смотрит, разумеется, так, как обычно смотрит телевизор занятая стряпней женщина – спиной, поглощенная своими мыслями, воспринимая его бормотание просто как звуковой фон.

– Это какой-то кошмар, – сказала Ирина, неожиданно появившись в дверях гостиной. – Ты не знаешь, нынешняя зима когда-нибудь кончится, или это начало нового ледникового периода?

Глеб понял, что ошибся: если жена и не следила за картинкой на экране, то звучащий за кадром текст слышала от первого до последнего слова.

– Кончится, кончится, – заверил он. – Все когда-нибудь кончается. В том числе и человеческое терпение. Мы есть сегодня будем, или ты решила подождать с ужином до весны? Отвечай, женщина!

– Я поставила сковородку на медленный огонь, – смеясь, ответила Ирина. – Путь немного протушится. А то ты же потом первый станешь ныть, что мясо жесткое.

– Не ныть, а конструктивно критиковать, – поправил Сиверов. – А то развели тут какой-то советский общепит: сперва еды не дождешься, а потом оказывается, что ее еще и есть невозможно!

– Ах, ты... – задохнулась от притворного возмущения Ирина. – Не дождешься, да? Есть невозможно? Вот и не дождешься!

Назревшая, было, шутовская перепалка прекратилась, не успев по-настоящему начаться: Глеб пропустил свою реплику, целиком сосредоточив внимание на экране. Удивленно приподняв бровь, Ирина посмотрела туда же и увидела картину, которая, увы, давно стала привычной для всякого, кто хотя бы время от времени смотрит новости по телевизору: оживленное шоссе, вспышки полицейских мигалок, лежащая вверх колесами в придорожном кювете большегрузная фура и скопление до неузнаваемости изуродованных, разбитых вдребезги машин на обочине.

– Сегодняшний день ознаменовался еще одним масштабным ДТП, которое произошло на Московской кольцевой автодороге в нескольких километрах от съезда на Рублево-Успенское шоссе, – говорил за кадром голос диктора. – В аварию попало более двух десятков автомобилей. По словам сотрудников ДПС, причиной трагедии, как ни странно, стали вовсе не плохие погодные условия. По свидетельствам очевидцев и участников столкновения, аварию спровоцировала черная «ауди», водитель которой, как позднее установили медики, скончался за рулем от внезапной остановки сердца прямо во время движения.

– Какой кошмар, – ахнула Ирина.

Сиверов не ответил, неотрывно глядя на экран.

– Сотрудникам полиции удалось установить, – продолжал диктор, – что ставший виновником аварии автомобиль был приписан к ведомственному гаражу правительства Москвы и закреплен за заместителем министра коммунального хозяйства столицы Вячеславом Ромашиным. В момент аварии Ромашин находился в салоне, направляясь на работу из своего загородного дома, и погиб на месте. По словам прибывших на место происшествия медиков и спасателей, шансов спасти жизнь чиновника не было. По предварительным данным, дорожная трагедия унесла жизни восьми человек, и еще около двадцати с травмами различной степени тяжести доставлены в столичные больницы...

На экране появилась черная «ауди», выглядевшая так, словно по ней прошлись асфальтовым катком или пару раз проехали на танке. На смятом бампере белела чудом уцелевшая пластина номерного регистрационного знака. Оператор не отказал себе в удовольствии снять крупным планом лежащий в забрызганном кровью снегу на обочине разбитый цилиндрический стаканчик синего проблескового маячка. Этот кадр, содержащий в себе намек на уже слегка поднадоевшую тему беспредела «синих ведерок», служил лишним подтверждением тому, о чем Глеб уже думал не далее как сегодня утром: в таком большом городе, как Москва, очень много всего: домов, машин, полицейских, адвокатов и бомжей. А еще – дураков.

– Ужасно, – сказала Ирина, глядя на разбитый автомобиль. – Так нелепо... Умер за рулем, а теперь его еще и называют виновником аварии... Восемь погибших!

– Лес рубят – щепки летят, – чуть слышно пробормотал Сиверов и выключил телевизор. Он знал настоящего виновника, но распространяться на эту тему не собирался. Лес рубят – щепки летят, цель оправдывает средства... Черт бы побрал козлов, которые сочиняют такие поговорки!

– Что ты говоришь? – уже из коридора спросила Ирина. И, не дожидаясь ответа, позвала: – Ну, ты ужинать будешь? У меня все готово!

– Наконец-то, – громко сказал Глеб Сиверов и энергично встал из кресла.

Аппетит куда-то пропал, но и об этом его жене вовсе не обязательно было знать.

Глава 5

Вылет рейса из Челябинска задержали на сутки: не принимала заметенная снегом, как какой-нибудь степной полустанок, Москва. После непродолжительного обсуждения предложение отправляться по домам было единогласно признано неконструктивным.

«Возвращаться – плохая примета», – изрек по этому поводу Сумароков, у которого дома остались жена, пятнадцатилетняя дочь и крепкая, как настоящая сибирячка, горластая и вездесущая теща. С тех пор, как дочь вступила в так называемый переходный возраст, жизнь в квартире Сумароковых, и до того нескудная, стала напоминать трудовые будни отделения для буйных какой-нибудь нищей психиатрической лечебницы. Так что возвращение в это пекло, действительно, было для Сумарокова плохой приметой – каждый раз, даже когда он просто возвращался с работы или, скажем, из магазина. Зная это, коллеги отнеслись к его словам с большим пониманием, тем более что и сами не горели желанием расходиться по домам только затем, чтобы назавтра повторить процедуру сборов и прощания с самого начала.

«Чего я там не видел?» – пожав широкими не по росту плечами, пренебрежительно обронил простодушный и прямолинейный Сердюк. Он до сих пор был неженат и жил в общежитии, где постоянно был кому-нибудь должен. Очевидно, должен он был и на этот раз; длительность предстоящей командировки и отдаленность мест, в которые направлялась группа, наводили на мысль, что долг можно и не отдавать – авось, забудется, – и нежелание Сердюка возвращаться туда, где его поджидали многочисленные кредиторы, также было вполне объяснимо и простиительно.

«Командировка-то уже началась, – подытожил рассудительный Гриняк, – проводы состоялись, командировочные на кармане... Ну, что – ко мне или в гостиницу?»

Этот вопрос не стоило задавать, поскольку ответ был известен заранее. Гриняк овдовел три года назад. Детей у него не было, о том, чтобы жениться вторично, он и слышать не хотел, храня трогательную верность покойной жене. Кое-кто на заводе из-за этого даже пытался за глаза называть его Лебедем, но скорый на руку Сердюк со свойственными ему прямоотой и простодушием быстро положил конец глупым насмешкам. Словом, Гриняк жил один, и его расположенная в центре города сталинская «трешка» была идеальным местом для проведения задуманного мероприятия – как, впрочем, и множества других подобных мероприятий.

Женщины на эти мероприятия, как правило, не приглашались, и происходило это вовсе не потому, что друзья боялись ненароком оскорбить память покойной жены Гриняка. Просто их дружеские холостяцкие посиделки представляли собой суровое, сугубо мужское таинство сродни охоте или рыбалке, и присутствие на них баб казалось, мягко говоря, неуместным, чтобы не сказать кощунственным. Привести на одну из этих неторопливых, несуетных, тихих вечеринок женщину, будь она профессором филологии, привокзальной шлюхой, чьей-нибудь женой или невестой, означало бы все испортить. Есть вещи, которые просто нельзя менять, если вы хотите, чтобы они и впредь оставались с вами. Даже самые незначительные перемены часто оказываются необратимыми, и то, что было вам дорого, по вашей неосторожности превращается во что-то другое – тоже хорошее и даже, вполне возможно, лучшее, чем то, что было прежде, но – другое, чужое и абсолютно вам не нужное.

Сдав чемоданы в камеру хранения аэропорта, приятели поймали такси и по накатанному зимнику, в который после недавнего снегопада превратилось скоростное шоссе, направились обратно в город.

К вечеру снова пошел забирать морозец, и идущие по трассе автомобили волочили за собой курчавые султаны пара. Ехали молча: болтунов среди них не было, да и общие темы, которые друзьям действительно хотелось бы обсудить, при посторонних лучше было не затрагивать. Посторонние в лице угрюмого, как от сильного недосыпания, таксиста, тоже помалки-

вали, сосредоточенно вертя баранку. Над заснеженным полем неторопливо сгущались ранние сумерки, встречные машины через одну ехали с включенными фарами.

– В магазин заскочим, шеф, – вспомнив о главном, обратился к таксисту сидящий спереди Сумароков.

– Само собой, – лаконично ответил таксист, тоже, по всей видимости, не представлявший, каким образом три взрослых русских мужика, едущие по одному адресу, могут скоротать вечер без водки.

Впереди, машины за три или четыре от них, из-за высокого снегового вала на обочине неожиданно выскочил танк – именно выскочил, а не выехал и уж тем более не выполз. Задорно задрав кверху длинный хобот орудия и ствол установленного на башне зенитного пулемета, он лихо перемахнул через шоссе прямо перед движущимися навстречу друг другу машинами и скрылся из вида за точно таким же снежным валом на противоположной стороне дороги. Это произошло так быстро, что никто из водителей даже не успел притормозить, чтобы избежать возможного столкновения с этим многотонным бронированным живчиком: вот он был, а вот его нет.

– Вот дает, – сказал Сердюк. – Интересно, кто это?

– Макар, – уверенно заявил Сумароков. – Я милого узнаю по походке... Факт, он, больше некому. Его, блин, манера.

– Когда-нибудь доиграется, – предрек Гриняк. – Раскатает кого-нибудь в коровью лепешку и приземлится на нарах, дурья башка.

Водитель промолчал. Он был местный – суровый челябинский мужик и все такое – и хорошо знал, что в его родном городе полным-полно щелей, в которые лучше не совать свой нос, если он тебе дорог. Машина как раз проезжала мимо одной из них – заснеженного второстепенного проселка, пересекающего шоссе под прямым углом. Справа от дороги за морем снегов у самого горизонта маячили трубы Уралвагонзавода, слева не было видно ничего, кроме снега. В той стороне находился испытательный полигон; увидев то, что только что видели водитель и пассажиры такси, даже последний дурак догадался бы, что испытывают там не вагоны.

Остаток пути обошелся без приключений. Действуя в рамках достигнутой договоренности, таксист остановил машину у продовольственного магазина, куда на правах самого молодого был откомандирован Сердюк.

– Пожрать прихвати, – напутствовал его Гриняк, – я перед отъездом холодильник выключил.

Через полчаса они уже сидели за столом – по-холостяцки, на кухне, хотя вся просторная трехкомнатная квартира была в их полном распоряжении. На кухне было привычнее и уютнее; кроме того, приятели следовали простой мужской логике, согласно которой разводить грязь еще и в столовой, чтобы потом вместо одного помещения прибираться в целых двух, было нецелесообразно. Пустой, чисто вымытый и насухо вытертый изнутри холодильник с чуть открытой дверцей безмолвно напоминал о том, что вернулись они ненадолго; выдернутая из розетки вилка лежала на потертом линолеуме, свет внутри не горел, на дверце пестрела россыпь магнитных наклеек, которые собирала покойная Оксана. Здесь, как и во всей квартире, о жене Гриняка напоминало многое – чайная чашка на полке, к которой Гриняк не прикасался со дня похорон, кастрюли, сковородки и даже занавески на окне, которые, на взгляд Сумарокова, давно пора было поменять. Глядя на все это бережно хранимое, пережившее хозяйку барахло, Сумароков подумал, что командировка подвернулась очень кстати: Гриняку будет небесполезно сменить обстановку, пожить несколько месяцев вдали от этой мало-помалу превращающейся в мемориальный склеп квартиры. Глядишь, там, на ярком солнышке, под плеск волны и шелест пальм, и присмотрит себе какую-нибудь крепкозадую мулаточку...

– Эх, хорошо все-таки у тебя, Алексей Ильич! – занюхав водку корочкой хлеба, мечтательно произнес Сердюк. – Тихо, чисто, просторно... И чего нам дома не сидится? Куда нас черти волокут?

– А чего сидеть-то? – пожав плечами, возразил Гриняк. – Финансирование по «Объекту-195» прикрыли, и что прикажешь делать: серийные коробки обкатывать? Скучно.

– Интересно, зачем мы им понадобились, – наливая по второй, задумчиво проговорил Сумароков. – Вот черти, развели секретность! Нет того, чтобы прямо сказать, что к чему – очертить, так сказать, круг должностных обязанностей... Откуда я знаю, может, они набег на соседей затевают?

– Это вряд ли, – сказал Гриняк.

– А чем плохо? – одновременно с ним произнес горячий по молодости лет Сердюк. – Там же Штаты буквально под боком! Построиться в колонну и двинуть прямо на Вашингтон!

– Угу, – иронически буркнул Сумароков. – Двигай, Саня, мы с тобой. Прикроем, если что. Как двинем-то – напрямик через Карибское море или посуху? Плевое дело, прогулка по бульвару! Сперва налево через Колумбию, потом по Панаме, через канал и дальше – через Коста-Рику, Никарагуа, Гондурас, Гватемалу и Мексику, а там уже и граница. Правда, Сальвадор и Белиз остаются в стороне, но для бешеной собаки сто верст не крюк, заглянем и туда...

– Да ладно, – отмахнулся широкой мясистой ладонью Сердюк, – отстань ты со своей географией! Уже и пошутить нельзя... Ясно ведь, что мы там будем делать – учить местных маргышек газ от тормоза отличать.

– Это вряд ли, – словами Гриняка возразил Сумароков. – Ничего, что у них собственная военная академия имеется? Так что учителей, которые умеют газ от тормоза отличить, у них и без нас хватает.

– Да будет вам чепуху молоть, – сказал Гриняк. – Как дети, честное слово. Сколько нам платить будут, слышали? Ну так чего вам еще не хватает? Климат тропический, условия – чистый курорт, участие в военных действиях контрактом не предусмотрено... Давайте лучше выпьем, что ли, а то у меня от вашей трескотни во рту пересохло.

– Контракт, – с готовностью поднимая рюмку, проворчал Сердюк. – А кто его видел, этот контракт?

Они чокнулись и выпили.

– Кому надо, тот видел, – аккуратно поддевая вилкой норовящую развалиться шпротину, туманно ответил на вопрос Сердюка Гриняк. – Плохо, что рейс отложили. Горобец там, поди, совсем изведется...

– Кто-о? – не донеся до рта бутерброд с вареной колбасой, изумился Сердюк.

– Го-ро-бе-е-ец? – тем же тоном протянул Сумароков.

Гриняк усмехнулся как человек, которому блестяще удался давно задуманный розыгрыш.

– А вы не знали? Горобец, Горобец. Что, соскучились? Давно он вас в хвост и в гриву по матушке не крыл!

– Да по матушке – это ладно, – отмахнулся Сумароков. – Чего он там делает-то, в Венесуэле?

– Налаживает главный конвейер на вагоностроительном заводе, – ровным голосом, как о чем-то вполне обыкновенном и малозначительном, сообщил Гриняк.

Сердюк длинно присвистнул и впился зубами в бутерброд. Теперь у него был вид человека, который наконец-то все понял, во всем разобрался и больше не имеет к присутствующим никаких вопросов.

– Да, дела, – задумчиво произнес Сумароков. – Ты гляди, что делается! А я, помнится, услышал как-то краем уха в новостях и долго удивлялся: на кой ляд, думаю, им в этой их

Венесуэле вагоностроительный завод? Да еще наш, российский... А так, конечно, все ясно. Раз им Горобец конвейер налаживает, значит, вагоны получатся знатные. Еще те вагоны!

– Универсальные, – энергично жуя, с энтузиазмом поддакнул Сердюк. – Для любой колеи. Наливай, папа Гриша, не томи! Это дело необходимо спрыснуть.

После первой бутылки на кухне стало шумно – не так, чтобы очень, поскольку народ тут собрался серьезный и обстоятельный, но все-таки шумнее, чем обычно.

– А что? – увлеченно жестикулируя дымящейся сигаретой, горячо разглагольствовал вдохновленный хорошей новостью Сердюк. – Нет, ты скажи, чем плохо-то? Поди, лучше, чем за валюту всякое старье покупать!

– Конечно, строить завод, чтобы собирать на нем то же самое старье, не в пример умнее, – хмыкнул в ответ Сумароков. В общем и целом он был согласен с Сердюком, но, видя, что тому до смерти хочется спорить, снисходительно шел навстречу этому желанию.

– А что, не так, что ли? – мгновенно проглотил наживку вместе с крючком и леской простодушный Саня. – Вон, посмотри на корейцев! Купили у «Опеля» права на старый «кадет», штампуют свои «дэу» и пачками налево и направо продают. Да ты сам четыре года на «некси» ездил и горя не знал! Радовался, что новенькая, из салона, без пробега совсем – муха не садилась! А «Опель» эту модель еще в середине восьмидесятых с конвейера снял – устарела.

– Ну, ты сравнил, – посмеиваясь над горячностью младшего коллеги, продолжал дразнить его Сумароков. – Это тебе не «опель».

– То-то, что не «опель»! «Опель» у человека может быть, а может и не быть. А без нашего товара до сих пор ни одно государство обходиться не научилось. Ну, кроме, разве что, какого-нибудь Монако или Люксембурга, так это и не государства вовсе, а так, пара мелких недоразумений. Прикинь, сколько бабок они поднимут, пока всех своих соседей отоварят!

– Как бы их америкосы за такие штучки раньше не отоварили, – вскользя заметил Сумароков.

– А вот это уже не наши проблемы, – заявил Сердюк.

– Пока мы тут, на Лехиной кухне керосиним, факт, не наши. А там видно будет...

Гриняк перестал слушать спорщиков. В голове слегка шумело, мир перед глазами подернулся знакомой жемчужной дымкой, и Алексей Ильич удивился: с чего бы? Выпили-то всего по сто пятьдесят! Водка паленая попалась, или, может, просто настроение такое? Не захворать бы, а то будет тебе командировка в жаркие страны...

Рассеянно взяв с подоконника пульт, он зачем-то включил телевизор. Передавали новости; бормотание диктора практически ничего не добавило к общему шумовому фону, и на него никто не обратил внимания, в том числе и сам Гриняк, неожиданно для себя всерьез задумавшийся о предмете продолжающегося на кухне спора.

Схема, вкратце обрисованная Сердюком, выглядела не только логичной, но и вполне жизнеспособной. Регион, куда они сейчас направлялись, никогда не отличался спокойствием, и реализация такого проекта, действительно, представлялась довольно разумной и выгодной, потому что позволяла не только укрепить обороноспособность страны, но и оттяпать у дядюшки Сэма приличную долю в весьма и весьма прибыльном бизнесе. Россия, построившая в Венесуэле, фактически, филиал Уралвагонзавода, конечно, будет иметь процент с прибыли. И, если Сердюк не ошибся, предполагая, что речь идет о продаже прав на выпуск одной из морально устаревших моделей, сделка выгодна вдвойне: на тебе, боже, что нам негоже, не пропадать же добру! Зачем выбрасывать на помойку то, что можно выгодно продать?

Вытряхнув из лежащей на столе пачки сигарету, Алексей Ильич закурил, встал с табурета, чтобы немного размять ноги, и подошел к окну. Снаружи уже стояла непроглядная тьма, в которой яркими пятнышками света горели окна жилых домов и рубиновые позиционные огни на заводских трубах. Когда несколько недель назад над Челябинском рванула та хреновина, которую официально объявили крупным метеоритом, оконные стекла в квартире Гри-

няка устояли – как, впрочем, и во всем доме, прикрытом как раз с той стороны, где рвануло, кварталом выстроенных поблизости девятиэтажек. Тогда, сразу после взрыва, некоторые предприимчивые деятели нарочно били окна в своих квартирах и резались осколками, чтобы получить обещанную пострадавшим денежную компенсацию. Гриняк ничего такого делать, разумеется, не стал, за что некоторые соседи до сих пор косо на него поглядывали: на фоне их затянутых полиэтиленом пустых оконных проемов и переломанных рам целехонькие стекла в окнах квартиры Алексея Ильича, мягко говоря, вызывали вопросы. Один из этих деятелей даже рискнул прямо в глаза назвать Гриняка штрейкбрехером. «А ты подай на меня в суд, – посоветовал Алексей Ильич. – Или морду набей». Деятель увял: ни один из предложенных вариантов не сулил успеха. А Гриняк потом еще долго удивлялся: что за народ?! У них над головами взорвалось крупное космическое тело, город не сровняло с землей только чудом – можно сказать, отделались легким испугом, хотя могли и костей не собрать. Такие события в человеческой истории можно пересчитать по пальцам одной руки, миллиарды людей прожили своей век и померли, не увидев ничего похожего, а они из-за компенсации морды себе стеклом полосуя...

Пожав плечами, Гриняк выбросил из головы жадное дурачье, которого за последние десятилетия в России развелось как-то уж чересчур много, и вернулся мыслями к насущным проблемам. В неожиданно здравых рассуждениях Сани Сердюка, который, вообще-то, разбирался в бизнесе, как верблюд в устройстве акваланга, имелось всего одно слабое место. Место это называлось Александр Андреевич Горобец. Все они знали Горобца как облупленного, потому что долго работали с ним бок о бок. И именно поэтому Алексею Гриняку казалось, что для налаживания выпуска в Латинской Америке снятых с производства российских моделей (каких моделей, чего, ясно даже и ежу – вагонов, разумеется, чего же еще!) этот человек подходит даже хуже, чем они трое – на роль каких-нибудь механизаторов широкого профиля или бульдозеристов. То есть с наладкой конвейера Горобец справится играючи, как и его тезка Саня Сердюк с управлением бульдозером любой модели, будь то сверхмощный японский «Камацу» или один из первых отечественных ЧТЗ. Но это будет то же самое, что забивать микроскопом гвозди или вскрывать дешевые рыбные консервы космической лазерной пушкой прямо с орбиты. Или, скажем, вспахивать дачный участок на «Черном орле».

Бормотание продолжающего работать телевизора неожиданно проникло в сознание. В новостях рассказывали, каких бед натворила снежная буря в Москве и ее окрестностях. Беды были, в общем-то, стандартные, и большей их половины легко можно было избежать, если бы люди чуть меньше полагались на авось и чуточку больше уважали мир, в котором живут, как черви в яблоке, выгрызая его изнутри. Внезапно уловив в скороговорке диктора знакомое словосочетание, Алексей Ильич увеличил громкость телевизора.

– А ну, цыц, – прикрикнул он на спорщиков. – Дайте послушать.

– ...личный водитель заместителя министра коммунального хозяйства столицы Вячеслава Ромашина, – отчетливо произнес в наступившей тишине знакомый всей стране голос одной из ведущих первого канала. – По заключению медиков, смерть наступила от внезапной остановки сердца. Потерявший управление на большой скорости автомобиль спровоцировал масштабное ДТП, в котором, кроме Ромашина и его водителя, по последним данным, погибло одиннадцать человек. Трое из них скончались в больнице, куда были доставлены для оказания медицинской помощи. Эксперты сообщают, что вскрытие не обнаружило в крови водителя служебной «ауди» следов алкоголя, а также наркотических и отравляющих веществ.

Гриняк выключил телевизор.

– Ромашин? – переспросил Сумароков. – Тот самый, что ли?

– Какой еще Ромашин? – удивился Сердюк.

– Да ты наверняка его помнишь, – сказал Сумароков. – Сидел одно время у нас на заводе представителем заказчика. Гляди ты, куда забрался – в самую, понимаешь ли, Москву!

– А, – вяло, без энтузиазма воскликнул Сердюк, – помню, как же. Был такой. Харю от задницы не отличишь, и разговаривал так же – слушаешь и не знаешь, то ли уши заткнуть, то ли нос. То ли хайло это вонючее – кулаком, а еще лучше – чугунной болванкой.

– Опомнись, Саня, – с упреком сказал Сумароков, – чего несешь-то, помер ведь человек!

– Ну да, ну да, – все так же вяло согласился Сердюк, – о мертвых либо хорошо, либо никак... Тогда я – никак. Хотя, заметьте, как жил, так и помер – сам копыта отбросил и еще десять человек с собой на тот свет утащил.

– Он-то при чем? – вступился за покойника Сумароков. – Помянуть бы надо, что ли...

– Не стану я его поминать, – неожиданно заупряился обычно покладистый, особенно когда речь шла о том, чтобы выпить, Сердюк. – Помер и помер, мало ли народу каждый день мрет!

– Ну, на нет и суда нет, – вмешался в разговор хозяин. Снова присев к столу, на свое любимое место в уголке между столом и холодильником, он вооружился бутылкой. – Ссориться нам, что ли, из-за него?

– Еще чего не хватало – ссориться, – сказал Сердюк, с готовностью подвигая поближе к нему пустую рюмку. – Мы вместе пуд соли съели, нам еще работать и работать... И опять с Горобцом, прямо как раньше. – На его круглой румяной физиономии вдруг проступило выражение нежной ностальгической грусти, которое шло этому тридцатипятилетнему круглоголовому крепышу, как бегемоту пенсне. – А знаете, мужики, у меня родился тост.

– Валяй, – с усмешкой разрешил Сумароков.

– Слава ГГСС! – торжественно воздев к потолку наполненную Алексеем Ильичом рюмку, провозгласил Сердюк.

– Точно, – сказал Гриняк, сдержанно улыбаясь. – А я уже и забыл.

ГГСС – это были первые буквы их фамилий: Горобец, Гриняк, Сумароков и Сердюк. Так их прозвали на заводе, когда экипаж Гриняка работал в тесной связке с инженером-технологом сборочного производства Горобцом. Александр Андреевич был мужик грамотный, понимающий и уважительный, дело свое любил без памяти, и сработались они отлично. Когда работы над «Объектом-195» свернули по приказу сверху, Горобец уволился с завода и куда-то пропал, а недавно вдруг дал о себе знать, прислав весточку из далекой Венесуэлы. Что ж, что бы они там ни затевали под своими пальмами, Алексей Ильич был не прочь хоть разок побывать в дальних заморских странах, о которых не смел даже мечтать, и снова поработать бок о бок таким грамотным специалистом и мировым мужиком, как Горобец.

– Слава ГГСС! – подхватил предложенный Сердюком тост Сумароков.

– И долгие лета, – как обычно, подытожил Алексей Ильич, поднимая наполненную до краев рюмку.

* * *

Следует еще раз заметить, что в таком большом городе, как Москва, живет очень много людей. Все они разные и многое из того, чем им приходится заниматься, тоже делают по-разному, всяк на свой лад и манер. Это относится и к тому, как люди воспринимают передаваемые по телевизору новости. Конечно, несмотря на индивидуальные различия, вменяемым представителям рода человеческого свойственны всего несколько хорошо изученных психологами типов стандартных реакций. Так, например, новость о крупной аварии на МКАД, в которой погиб высокопоставленный чиновник из правительства Москвы Ромашин, многие просто не заметили, занятые какими-то другими, более важными, чем сидение перед телевизором, делами. Подавляющее большинство тех, кто просмотрел посвященный данному событию сюжет или прочел о нем в интернете, отреагировали приблизительно так же, как простодушный Саня Сердюк: конечно, в гибели людей хорошего мало, но тут ничего не поделаешь – люди

гибнут ежедневно. Как говорится, такова се ля ви. И, что характерно, с каждым днем она становится еще «селявее». В общем, мое дело – сторона, в этот раз накрыло не меня, и слава богу.

Кого-то эта новость взволновала всерьез – в первую очередь, родных и близких погибших, а также тех, кто получил в этой аварии травмы или просто лишился своего движимого четырехколесного имущества. Далее круги волнения пошли распространяться по убывающей: медики, спасатели, страховые агенты, священнослужители, соседки-плакальщицы на похоронах, должностные лица, ответственные за состояние дорог и безопасность движения, кредиторы погибших, водители эвакуаторов и так далее, вплоть до домашних питомцев, которых некому стало кормить и баловать.

Таких людей по сравнению с общим количеством населения Москвы насчитывалось совсем немного. Но был среди никем до конца не сосчитанных миллионов москвичей и гостей столицы всего один человек, который воспринял известие о гибели Вячеслава Эдуардовича Ромашина не как обычную дурную новость, а как прямое предупреждение, адресованное лично ему.

Вообще-то, если подумать, он был один такой на всю Россию и даже, черт возьми, на всю планету. Да что планета! Он был один на всю необозримую Вселенную, единственный и неповторимый, и, к огромному сожалению, не испытывал от своей уникальности ни малейшего удовольствия.

Вообще, мало кто остается доволен, получив предупреждение. Такое уж это слово – «предупреждение», что ничего хорошего от него ждать не приходится. Предупреждают чаще всего о чем-то неприятном – например, о намерении отключить электричество, газ и воду за неуплату или уволить с работы за регулярные на оную опоздания. Никто не говорит: «Предупреждаю: в этом месяце вы получите премию в размере двойного оклада за особые заслуги перед компанией!» Или: «Предупреждаю: я люблю вашу дочь и хочу на ней жениться!» То есть, так сказать тоже можно, но тогда известие, по замыслу хорошее, радостное, автоматически приобретает мрачный оттенок угрозы: дескать, я-то женюсь, да только как бы вам после об этом не пожалеть...

Фраза: «У меня для тебя приятный сюрприз» – по сути тоже предупреждение. Но о приятных вещах почему-то не предупреждают, а, например, заранее ставят в известность или, что то же самое, предварительно сообщают. А предупреждают чаще всего об опасности – бывает, что выстрелом в воздух, который недаром зовется предупредительным. А еще «предупредить» – значит предотвратить. Потеря права на управление автомобилем предупреждена путем своевременно сделанного предупреждения о недопустимости нахождения за рулем в пьяном виде – вот, как-то так.

Уникального, одного на все мироздание, индивидуума, о котором идет речь, именно предупредили, причем очень конкретно и жестко. Человек этот был не из тех полоумных адептов тайных учений, которые повсюду ищут (и, разумеется, постоянно находят) некие понятные им одним мистические знаки. Он не гадал о будущем по траектории полета падающей с высоты голубиной какашки или по той причудливой форме, которую приняла после столкновения на Кольцевой черная «ауди» Ромашина. Он был разумный, здравомыслящий, блестяще образованный человек, сотрудник российского дипломатического корпуса, и даже церковь посещал скорее для приличия, потому, что так принято, а не потому, что действительно, всерьез во что-то такое верил. Ни о какой мистике применительно к сложившейся ситуации говорить не приходилось: его предупредили, а он, в свою очередь, услышал предупреждение, правильно его понял и принял к сведению.

Теперь оставалось понять главное: что ему в связи со всем этим делать.

Чуть больше недели назад Игоря Вадимовича Чернышева отозвали в Москву из Белграда, где он служил в российском посольстве в качестве особого представителя по развитию торгово-экономических связей. После окончания института международных отношений Игорь

Чернышев считал бесполезным заочно получить второе высшее образование – экономическое. Этим миром движет торговля; причина всех, сколько их было на планете, войн заключается в переделе торговых рынков и сфер экономического влияния. И в наше прагматичное, склонное все на свете мерить исключительно деньгами время лишь тот, кто изучил законы торговли и умеет заставить их работать на себя, может добиться стоящих упоминания успехов на дипломатическом поприще.

Правда, каких-то особенных, блестящих успехов на означенном поприще Игорь Вадимович в свои тридцать восемь лет пока не достиг. Назначить его послом или хотя бы секретарем посольства почему-то не торопились, да и страны пребывания, в которых довелось служить, были так себе – не то чтобы совсем уж третий сорт, но и далеко не высший. Он успел поработать в Латинской Америке, Северной Африке, Восточной Европе и, не к ночи будь помянута, Средней Азии. Дипломатическая служба сродни военной: куда пошлет родина, туда и пойдешь, и скажи спасибо, если это будет не Сомали, Афганистан или какая-нибудь из постсоветских республик – не надо улыбаться, речь сейчас вовсе не о Прибалтике.

В Сербии Игорь Вадимович проработал меньше полугода – фактически, едва успел освоиться, а освоившись, сразу заскучал. В смысле торгово-экономического сотрудничества эта небогатая балканская страна не представляла почти никакого интереса, а значит, и скорого продвижения по карьерной лестнице пребывание здесь не сулило. Поэтому, получив вызов в Москву – как было сказано в телефонограмме, для решения вопроса о новом назначении, – Чернышев поначалу обрадовался, вообразив, что его наконец-то заметили, и что впереди его ждет Европа – настоящая, Западная, – а то и, чего доброго, Соединенные Штаты – «United States of-таки America», как сказал герой одного фильма.

Правда, в Москве практически сразу выяснилось, что вопрос о новом месте его работы еще не решен, и когда решится, неизвестно. Ему приказали считать себя в отпуске, отдыхать, но быть под рукой и ждать звонка. Первый, пока еще легкий, укол беспокойства Игорь Вадимович ощутил уже тогда. Прикинув, какие из текущих международных новостей могли повлиять на задуманную руководством рокировку в одной из зарубежных дипломатических миссий, он не смог вспомнить ничего более значимого и заметного, чем смерть президента Венесуэлы Уго Чавеса. Всенародный официальный траур по национальному лидеру – не лучшее время для перестановок внутри иностранного посольства; это та переправа, на которой коней, действительно, лучше не менять.

Тогда-то он и начал беспокоиться. Проанализировав сегодняшние отношения России с ведущими мировыми державами, он не нашел в них ничего такого, что могло бы как-то повлиять на нормальную повседневную работу дипломатических представительств. Оставался только безвременно почивший команданте Уго Чавес, и это было плохо, потому что означало, что Игоря Вадимовича опять собралось закатать в Венесуэлу, где он и так уже порядком наследил. А если покойный команданте не имел отношения к этому делу, еще того хуже. Возможно, на одной из стадий согласования кандидатура Игоря Чернышева вызвала у кого-то сомнения, а это скверно. Человека срочно вызывают на родину, ясно дав понять, что его ждет новое место службы, а вместо нового места отправляют в какой-то странный неурочный отпуск – не странно ли? Да, если кто-то наверху в нем усомнился, то усомнился, надо полагать, крепко – настолько, что заразил своим сомнением окружающих, а такие сомнения уже пахнут катастрофой.

На деле все могло оказаться намного проще или, наоборот, сложнее, и, ничего не зная наверняка, не имея никакой возможности прояснить положение, Игорь Вадимович решил до поры точно следовать полученным инструкциям: отдыхать, оставаясь при этом под рукой у начальства и пребывая в полной готовности по первому звонку явиться и предстать пред светлые очи.

Конечно, настоящим, полноценным отдыхом такое времяпрепровождение в подвешенном состоянии не назовешь. Беспокойство не проходило, то усиливаясь, то ослабевая до при-

емлемого уровня; нечего и говорить, что за выпусками новостей Игорь Вадимович следил с повышенным вниманием, и сообщение о гибели Ромашина от него не ускользнуло.

Кто угодно сказал бы, причем с полной уверенностью, что нелепое и трагическое происшествие на Московской кольцевой автодороге не имеет и не может иметь никакого отношения к дипломатии и международным отношениям. Кто угодно, кроме Игоря Вадимовича Чернышева; пока не зная этого наверняка, он не без оснований подозревал, что имеет, причем самое прямое и непосредственное.

К счастью, у него имелся способ это проверить.

Однокашник Игоря Вадимовича по элитной московской спецшколе с углубленным изучением иностранных языков за годы, прошедшие с тех пор, как прозвенел последний школьный звонок, недурно продвинулся по линии МВД и к моменту описываемых событий ходил уже в генерал-майорах. Отыскав в старой записной книжке телефонный номер, Чернышев созвонился с ним и попросил по старой дружбе оказать небольшую услугу. О смерти Ромашина он узнал из утреннего выпуска новостей, старому приятелю позвонил сразу же и уже к двум часам пополудни имел на руках то, о чем просил – список жертв несчастных случаев, произошедших в Москве за последний месяц.

Вовремя сообразив, что, коль скоро речь идет не о деревне в пять дворов, а о Москве, данный документ может оказаться размером с телефонный справочник, он попросил включить в него только фамилии на буквы «З» и «К». Фамилии на «Р» его не интересовали – с Ромашиным все и так было сравнительно ясно.

Однокашник, по всему виду, не зря дослужился до генерала и не стал ничего уточнять по телефону. Но при личной встрече, передавая список (к слову, не такой уж и длинный), все же не преминул спросить, в чем тут фокус.

Игорь Вадимович объявил, что с некоторых пор увлекся научной работой и в свободное время проводит некое исследование на стыке статистики и социологии с легким уклоном в оккультизм, пытаясь установить связь между временем года, фазами луны, именем человека и его подверженностью различного рода несчастным случаям. Иначе говоря, выяснить, кто имеет больше шансов, переходя улицу на зеленый сигнал светофора, попасть под самосвал: Иванов или какой-нибудь Свербигуз?

– Конечно, Иванов, – не задумываясь, сказал господин генерал-майор. – Потому что Ивановых в сотни, если не в тысячи раз больше, чем Свербигузов. Опять темнишь, Игореша, – добавил он, секунду помолчав. – Каким в школе был, таким и остался – темнело мутное, ж... с закоулками. Тоже мне, хиромант нарисовался!

Впрочем, углубляться в упомянутые темные закоулки его превосходительство не стал, и Игорь Вадимович был ему за это очень благодарен. Благодарность выразилась в кругленькой сумме; генерал взял деньги, не моргнув глазом, и Чернышев снова подумал, что имеет счастье говорить с человеком, сумевшим найти свое призвание и по праву занимающим именно свое, будто специально для него придуманное место.

И вот теперь Игорь Вадимович сидел у барной стойки в гостиной своей двухуровневой квартиры на Новом Арбате, пил абсент, курил умопомрачительно крепкие кубинские сигареты и мрачно разглядывал уже слегка помятый, украшенный кольцеобразными отпечатками доньшка рюмки список. Предчувствие его не обмануло: оба голубчика были тут как тут.

Высокопоставленный чиновник министерства тяжелого машиностроения Леонид Иванович Зарецкий погиб во время охоты с неделю назад, чуть ли не в тот самый день, когда Игорь Чернышев вернулся в Москву из Белграда. Ружье дало две осечки подряд, а когда Зарецкий переломил его, чтобы заменить негодные патроны новыми, те неожиданно выстрелили один за другим. Одна из выброшенных отдачей гильз, пробив глазное яблоко, проникла в мозг, и смерть была мгновенной. Следствие выяснило, что патроны Зарецкий всегда снаряжал собственноручно; те, что остались в патронташе, по данным экспертизы, были в полном порядке;

никаких фактов, свидетельствующих о возможной подмене боеприпасов, выявить не удалось, и дело закрыли с формулировкой «Несчастный случай».

Буквально через пару дней начальник управления промышленного строительства соответствующего министерства Юрий Никодимович Кравцов, принимая душ в своем недавно достроенном загородном доме, поскользнулся на пролитом шампуне, ударился головой о кафельный пол и скончался на месте в результате несовместимой с жизнью черепно-мозговой травмы. Тут следователям даже не пришлось ничего проверять: налицо был нелепый несчастный случай с летальным исходом.

И вот теперь – Ромашин. Игорь Вадимович знал его не ближе, чем двух других, но запомнил хорошо: крикливый, упивающийся вседозволенностью, компенсирующий невежество напористостью хам, он являл собой эталонный, почти карикатурный образчик российского чиновника. Стальные жернова автомобильной катастрофы перемололи его жирное тело в кровавый студень, в перемешанный с ключьями фирменного костюма, сдобренный осколками костей и стекла фарш, и это тоже была не более чем трагическая случайность.

О, да, конечно! Разумеется! А как же иначе! Только надобно заметить, что в этом деле его величество Случай действовал с особой, наводящей на размышления избирательностью.

Чернышев плеснул себе абсента, и налитая в прозрачный бокал ядовито-зеленая жидкость засверкала в ярком свете галогенных точечных ламп, как огромный изумруд чистой воды. Чиркнув фосфорной спичкой об искусственный мрамор, которым была отделана крышка барной стойки, он прикурил набитую черным кубинским табаком сигарету и сделал глоток из бокала. Впитавший в себя ароматы полыни и аниса семидесятипятипроцентный алкоголь привычно обжег пищевод и мягко взорвался в желудке, мгновенно разлившись по всему телу приятным – разумеется, зеленым – теплом.

Ментов не в чем упрекнуть, подумал Игорь Вадимович. Эти трое могли умереть одновременно, в одну и ту же секунду, находясь на расстоянии ста метров друг от друга, и никто бы даже не заподозрил, что эти три смерти как-то связаны между собой. До той поездки в Южную Америку их ничто не объединяло, а уж после нее они наверняка изо всех сил старались забыть о своем коротком деловом знакомстве. Каждый получил, что ему причиталось, и больше не хотел слышать о тех, кто знал, за какие именно заслуги он это получил.

Получили, что причиталось... Да, теперь-то уж точно получили, причем сполна. Получили все, кроме одного, самого последнего. Теперь Чернышев понял, что на самом деле означал этот внезапный вызов в Москву, и удивлялся только одному: как это он ухитрился дожить до сего дня? Судя по тому, как обставили смерть Ромашина, этим людям ничего не стоило угробить самолет, на котором Игорь Вадимович летел из Белграда, вместе с другими пассажирами. А что такого, если разобраться? Лес рубят – щепки летят...

Большая, погруженная в тишину и вечерний сумрак квартира была шикарно отделана и обставлена по последнему писку моды, но почему-то имела нежилой, заброшенный вид. Собственно, она и была нежилой – сюда лишь изредка заглядывали, чтобы переночевать, во время нечастых и кратких наездов в Москву. Брак дипломата Чернышева был данью необходимости, заключенным по взаимному согласию и без малейшего удовольствия с обеих сторон деловым союзом: я тебе деньги и окно в мир, а ты мне – штамп в паспорте и соответствующую строчку в личном деле, дополнительное свидетельство благонадежности и должного морального облика. К чести его супруги следовало признать, что свою часть договора она выполняла добросовестно и почти безукоризненно, до сих пор оставаясь в рамках приличий и не ставя мужу палок в колеса своим разгульным, недостойным жены российского дипломата поведением. Но видеться они старались как можно реже, и в данный момент мадам Чернышева увлеченно сорила мужниными деньгами в далеком экзотическом Таиланде. С учетом ситуации ее отсутствие было большим благом, но молчаливая пустота за спиной и затаившийся по углам сумрак действовали Игорю Вадимовичу на нервы чем дальше, тем ощутимее.

Глотнув абсента, он перебрал возможные варианты спасения. Нанять личную охрану? А где гарантия, что они за твои же деньги не устроят тебе, как водителю Ромашина, внезапную остановку сердца?

Обратиться к приятелю-генералу? Господи, что за чепуха лезет в голову! Давай, обратись. Только не забудь объяснить, кого, а главное, почему боишься. Он тебя выслушает, достанет именную пистолет – наверняка ведь уже обзавелся, у них без этого никак, – и пристрелит, как собаку. А потом сам застрелится. Потому что, судя по развитию событий, каждый, кто посвящен в этот маленький секрет, может с чистой совестью считать себя покойником.

Все-таки вымолить у начальства назначение и спрятаться на краю света, в каком-нибудь задрипанном консульстве со штатом в полтора человека? Но, во-первых, назначения, скорее всего, не дадут, а во-вторых, руки у этих людей длинные – достанут где угодно, хоть в Антарктиде.

А генерал – это идея, подумал он вдруг. Только не этот долдон Мишка Мельников, а другой, тоже на «М» – Моралес. Сам меня в это втравил, сам и выпутывай, сеньор Алонзо, чтоб ты был здоров...

Стараясь не замечать притаившихся за спиной тишины и сумрака, он с воодушевлением схватился за телефон и стал звонить в аэропорт – узнать, не возобновилась ли работа международных линий.

Глава 6

Ласковое Карибское море волна за волной лениво накатывалось на белоснежный песчаный пляж. На мелководье вода была прозрачной, как в горном ручье, по мере удаления от берега меняя цвет сначала на желтоватую зелень бутылочного стекла, затем на воспетую множеством поэтов морскую бирюзу, а вдалеке, у самого горизонта, становясь густо-синей. Впрочем, синевы с пляжа было не разглядеть, она тонула в ослепительном сверкании солнечных бликов, превращавших поверхность моря в озеро расплавленного золота. Набегающая со стороны Малых Антильских островов пологая волна у берега становилась выше, увенчиваясь барашками пены, с плеском разбивалась о песок и с шорохом откатывалась назад, в море, смывая следы босых ног и велосипедных шин. Похожие на метелки из перьев кроны растущих вдоль пляжа пальм старательно мели и без того чистое, без единого облачка небо; в той стороне шумела набережная, за которой высились, сверкая на солнце, как гигантские кристаллы горного хрусталя, небоскребы столичного Каракаса.

– С ума сойти можно, – стоя по пояс в воде, сказал Сумароков. – До сих пор не могу поверить. Как во сне, честное слово.

– А что такого? – пожал широкими покатыми плечами приземленный Сердюк. – Море как море, пальмы как пальмы... Моря ты, что ли, не видал? Ничего особенного, на Сочи похоже.

– Со-о-очи, – передразнил Сумароков. – Темный ты, Саня, человек. А еще – начисто лишенный воображения. Ты только погляди! Вон там, – повернувшись к морю лицом, Сумароков вытянул руку и указал ею куда-то вперед и налево, – Кюрасао, Ямайка и Куба, там, – его указательный палец сместился немного правее, – Гаити, дальше Пуэрто-Рико, Гваделупа, Барбадос, Тринидад и Тобаго...

– И чо? – сделав тупое лицо, спросил Сердюк.

Он уже успел основательно обгореть на солнце, цветом кожи уподобившись ошпаренному поросенку; на нем были полосатые плавки с якорем, наводившие на мысль, что хозяин приобрел их за бешеные деньги в антикварном магазине, и какая-то невообразимая панاما местной выделки, из-под украшенных бахромой полей которой поблескивали зеркальные стекла «полицейских» солнцезащитных очков. На правом плече синела кустарная татуировка, изображавшая повернутый к зрителю в три четверти танк, в котором понимающий человек с трудом, но все же признал бы Т-72, на выпуклой, почти безволосой груди поблескивал золотой православный крестик.

– Тормозной шланг через плечо, – сказал ему Сумароков. – Чудак, это же звучит, как песня! Помнишь такую: «В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса»? Так вот, оно перед тобой – флибустьерское синее море. Ты в нем стоишь и спрашиваешь, как баран: и чо? Капитан Морган, капитан Флинт, Черная Борода... да мало ли кто еще! Тут по дну испанских галеонов с золотом разбросано больше, чем на твоей башке волос!

– Так нырни и достань, раз такой умный, – предложил Сердюк. Уголки губ у него едва заметно подрагивали: он никогда не умел долго валять дурака с невозмутимым видом, и к настоящим, тщательно продуманным, сложным розыгрышам его старались не привлекать – слишком быстро раскалывался. – А сказочки про пиратов дочке своей рассказывай.

– Шел бы ты в тень, – сказал ему Гриняк. – Обгоришь, как головешка, а где я тебе тут сметану достану?

– Да, – сказал Сумароков, – сметана – чисто русское изобретение. Придется его йогуртом мазать. С кусочками фруктов.

– Взрослые, пожилые, можно сказать, люди... – Вздохнув, Сердюк укоризненно поцокал языком, а потом зачем-то оглянулся на берег. – Не хочу я в тень. И вообще, ни черта я больше не хочу! Айда в отель. Возьмем по дороге пару баллонов...

– Опять бухать? – только наполовину притворно ужаснулся Сумароков.

– А что прикажешь делать? Еще одна экскурсия, и я кого-нибудь зубами загрызу. Или до вечера будем торчать тут, как три тополя на Плющихе? Что так, что этак – готовый международный скандал, и больше ничего.

Гриняк и Сумароков, как по команде, тоже оглянулись на берег. Окаймленный пальмами почти пустой пляж на берегу Карибского моря выглядел как воплощенная мечта любого туриста, но именно этот простор, о котором в другом месте и в другое время приходилось бы только мечтать, здесь и сейчас вызывал острую неловкость. Сердюк был прав: на фоне всенародной скорби по умершему лидеру нации – неважно, искренней или притворной – их пляжное времяпрепровождение выглядело, мягко говоря, неуместно, напоминая пир во время чумы.

– Что слышно от Горобца? – спросил Сумароков. Он знал, что спрашивать бесполезно, но все-таки спросил: а вдруг?

– А что Горобец? – В голосе Гриняка прозвучало тоскливое раздражение. – Молчит Горобец – ни слуха, ни духа. Я его номера не знаю, а местные молчат, как партизаны, и улыбаются... Да что я рассказываю! Можно подумать, мы с вами по отдельности живем, и вы сами всего этого не видите.

– Да уж видим, – опередив Сумарокова, мрачно проворчал Сердюк. – Улыбаются они... Так и тянет зубы кому-нибудь пересчитать!

– Тише, тише, – сказал ему Гриняк. – Что ж ты, чуть что, так сразу: загрызть, зубы пересчитать... Держи себя в руках! Ты ж тут, считай, полномочный представитель России – можно сказать, лицо нации...

– Вот поэтому ж... к ихней Венесуэле и стою, – буркнул Сердюк. – Чтоб выражения лица не видать было.

Сумароков невольно фыркнул. При всем своем простодушии и некоторой серости, которой стеснялся и потому постоянно ею бравировал, младший член их дружной маленькой команды иногда умел сказать, что называется, не в бровь, а в глаз. В данный момент они, действительно, стояли спиной не только к Венесуэле, но и ко всему Южноамериканскому континенту – можно сказать, на краю земли.

От этого веяло какой-то первобытной тоской и окончательной, безысходной заброшенностью. Сумароков вдруг подумал, что они втроем немного напоминают компанию белоэмигрантов сразу после побега из революционной России – никому не нужные ни там, ни тут, всеми забытые, отверженные и потерянные. И еще он подумал, что безделье – родная мать сумасшествия.

Встретили их, как дорогих гостей, поселили в шикарном отеле с видом на море, кормили от пуза, поили, сколько душа примет, и всячески развлекали – разумеется, за государственный счет. В первый день они решили, что попали в рай. Простодушный Сердюк так прямо и сказал: «Мужики, да мы в раю!» Второй день запомнился плохо; на третий они заскучали, а сейчас, во второй половине пятого дня своего пребывания на гостеприимной земле независимой Венесуэлы, готовы были лезть на стенку от скуки. Этого бы не было, если бы они приехали на курорт и за все платили сами. Но их пригласили сюда на работу и прямо с момента прибытия начисляли очень приличное жалованье. Даже куда более легкомысленный человек, чем любой из этой тройцы суровых уральских мужиков, заподозрил бы в таком положении вещей что-то неправильное; тут был какой-то подвох, и, чуя его, они просто не могли в полной мере насладиться нежданно-негаданно свалившимися на них радостями жизни.

Потому что бесплатный сыр, ребята, бывает только в мышеловке.

На мысль о мышеловке наводила и история с паспортами, которые у них, сославшись на установленные здесь правила, отобрали при заселении в отель. Взамен паспортов им дали гида, который мог худо-бедно изъясняться по-русски и неотвязно таскался за ними по пятам с утра до вечера – с улыбкой встречал поутру в вестибюле гостиницы, а вечером, не переставая улыбаться, провожал до дверей номера. Сердюк всерьез утверждал, что этот тип ночует там же, в вестибюле, на одном из полукруглых кожаных диванчиков, потому что, спустившись однажды поздно вечером в бар за бутылкой пива, обнаружил его сидящим с развернутой газетой в руках и тонкой сигарой во рту примерно на полпути между выходом и лифтами.

Этот гид, которого все тот же Саня Сердюк за глаза именовал не иначе как гадом, был единственным официальным лицом, с которым им довелось увидаться и переговорить за все время пребывания в Каракасе. И это со всей очевидностью было совсем не то лицо, которое могло ответить на их вопросы или как-то повлиять на ситуацию. Выражаясь языком Сани Сердюка, это было и не лицо вовсе, а как раз наоборот – то самое место, которым они в данный момент были повернуты ко всему Южноамериканскому континенту.

Почему они стояли так, а не иначе, было понятно; непонятно было, почему свободолюбивая Венесуэла, так жаждавшая их скорейшего прибытия, с самого начала развернулась к ним кормой – правда, не забыв нарисовать на этой корме широкую дружелюбную улыбку. Похоже было на то, что у местных неожиданно и резко поменялись планы, и они пока что просто не придумали, как им поступить с тройкой нанятых за большие деньги русских испытателей – с извинениями отправить восвояси или тихо придавить подушкой в темном уголке. И даже простодушный Сердюк не мог не понимать, что эти изменения как-то связаны с Горобцом и его работой, что, в свою очередь, не могло не вызвать тревогу.

Какие уж тут развлечения, какая культурная программа!

Не утерпев, Сумароков снова оглянулся. Гид никуда не делся – сидел, как приклеенный, в шезлонге под навесом, и курил очередную тонкую сигару. Поймав на себе взгляд Григория, он слегка приподнял шляпу и улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами из-под черных, как смоль, усов.

– Издевается, гад, – с ненавистью процедил Сердюк, который, оказывается, тоже смотрел в ту сторону. И добавил, обращаясь к Гриняку: – Командуй, папа Леша. Чего делать-то станем? Мое предложение прежнее: сперва в магазин, потом в отель.

– В отель, так в отель, – вздохнув, сказал Алексей Ильич.

Раздвигая прозрачную, как стекло, теплую, как парное молоко, воду, они плечом к плечу направились к берегу.

– В чешуе, как жар, горя, целых три богатыря, – перефразировав Пушкина, сказал Сумароков.

Никто даже не улыбнулся, но он не обиделся: ему самому было не до смеха.

* * *

Ближайший соратник и личный друг покойного команданте Чавеса генерал Алонзо Моралес просматривал последние донесения из Сьюдад-Боливера, когда в кабинет, тихонько постучав в дверь, заглянул адъютант и доложил, что в приемной дожидается Эстебан Торрес, уверяющий, что явился по крайне важному, не терпящему отлагательств делу.

– Пусть войдет, – отложив бумаги, ровным голосом произнес генерал.

Спрашивать, какой осел впустил старого дурака в президентский дворец и позволил добраться до его приемной, сеньор Алонзо не стал. Торрес был из старой революционной гвардии – бесстрашный, не раз доказавший свою преданность делу боливарианской революции боец, прошедший с команданте огонь и воду и до последнего дня пользовавшийся его горячей и искренней дружбой. В президентском дворце, как и во всей стране, об этой дружбе знали

все. При жизни президента Торрес мог без стука входить здесь в любую дверь – мог, но, как правило, не входил, потому что, несмотря на отсутствие образования, был не глуп и знал свое место. Именно эта скромность в сочетании с высокой популярностью и авторитетом делала Торреса похожим на человека-невидимку. Не имея другого приказа, охрана всюду его пропускала, а генерал Моралес все время забывал отдать этот приказ, потому что не помнил о самом Торресе так же, как люди не вспоминают о вбитом в стену гвозде до тех пор, пока не соберутся повесить на него шляпу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.